

БОРИС ПОЛУШКИН

Глагол прошедшего времени

Борис Полушкин

Глагол прошедшего времени

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69320002

SelfPub; 2023

Аннотация

В детстве мы очень любили слушать папины истории: он мог рассказывать бесконечно и мы с интересом слушали: о папином детстве, о его поездках по всей стране (а в те времена страна была огромной – Советский Союз), о людях, с которыми он встречался. Нередко мы слушали в папином пересказе воспоминания о войне его отца и деда, которых мы не застали живыми, но тем интереснее было о них слушать. Конечно, ничего особенного во всех этих историях не было, но папа – отличный рассказчик, и в его исполнении все эти рассказы наполнялись живыми людьми, очень для нас понятными и простыми, которым хотелось сочувствовать и сопереживать. Сейчас, перечитывая папины рассказы, я снова возвращаюсь в детство – наше, наших родителей, вспоминаю о людях, которых уже давно нет, но которые оживают на этих страницах.

Содержание

Лёгкий труд	122
Я осень эту пережил...	142

Борис Полушкин

Глагол прошедшего времени

О ВОЙНЕ

АПРЕЛЬ 45-ГО

Из моего деда каждое слово нужно тянуть клещами. Я и тяну изо всех сил. Слава Богу, настырства мне не занимать. На кухне мы одни: все умчались в деревню сажать картошку.

– Дед. Ну ты хоть немцев убивал?

– Стрелял, падали.

Вот так – стрелял, падали.

За стеной наследники Великой Победы шумно празднуют очередной юбилей. Какиеуж тут "слёзы на глазах", того и гляди в пляс пойдут. Лезу в бабушкины закрома достаю бутылку водки. Василий Яковлевич хоть и не любит этого дела, в такойдень грех не выпить. Не знаю – водка ли помогла, или дед не нашёл другого способаот меня отвязаться, но потихоньку разговорился.

– Три года с лишним я геройствовал в пехоте, а весной сорок пятого, после госпиталя, направили шофёром в автобат. Машину получил новую, "Студебеккер". Наш "захар"на неё похож один в один. Сначала за руль боялся садиться, отвык за войну, но потомосвоился. Да и торопили: Берлин хотели

к празднику взять.

Утром получаю приказ:

– Загрузить на станции лафет и отвезти в артполк.

– В какой полк? Куда?

– Там объяснят. Сопровождающего обещали.

Делать нечего, еду. На станции бегодня, суматоха, но загрузили быстро и проводник дали. Лейтенант молодой, на груди один гвардейский значок. Тоже торопится, боится на войну опоздать. Выехали за город.

Весна в Германираньше нашей, в начале апреля уже вишня вовсю цветёт. Солдатики сбросили ватники, скатали шинельки и пылят по обочине. Дорога забита машинами, но все идут в одном направлении – на Берлин.

На площади в каком-то городке остановились, лейтенант отправился уточнять маршрут, а я решил покемарить. Только пристроился, а он уже назад бежит, командует:

– Газуй, сержант. Дома выпишься.

В руке листок с каракулями, он в него заглядывает и распоряжается:

– За этим домом вправо, а теперь влево и прямо.

Забрались в самые дебри: улочки узкие, того и гляди бортом зацепишься. У меняшая заболела головой вертеть. Вдруг лейтенант кричит:

– Немцы!!!

Глянул вперёд – и правда, человек десять на перекрёстке кучкуются. Странныекакие-то. Из-под касок едва лица вид-

неются, форма кулём и рукава закатаны. Не для форса, а чтобы до колен не свисали. Подростки! И среди них, как чёрный медведь, огромный эсэсовец с автоматом. У него тоже рукава закатаны. Так они в сорок первом на нас пёрли: нагло, высокомерно. Лейтенант выскочил, пальнул раза два и нырнул в какой-то подвал у дома. Я кинулся было за ним, да винтовка застряла за сиденьем и не вытащить. Тут и немцы опомнились, жахнули из всего, что было. Словно град по кабине ударил. Я винтовку бросил и ужом под машину.

Лежу под мостами, а в голове дурацкие мысли крутятся: лишь бы в радиатор непопали, паять устанешь. Стрелять перестали и около машины завертелись недозрелые воины. Мне снизу только ноги видно было. Обувь не детская, а вот штанины выше в гармошку собрались. Похлопали дверцами, попрыгали у заднего борта, а под колёса не заглянули. Эсэсовец гаркнул на них, и мальчишки гуськом потянулись назад к перекрёстку. Старший потопал следом. Рядом с машиной ухнула граната, но они даже не оглянулись.

Я выполз из своего укрытия и спустился в подвал. Лицо обдало жаром, поднятая взрывом пыль не давала дышать.

Лейтенант лежал у самой двери и был похож на тряпичную куклу. Из ушей, из носа, изо рта ещё сочилась кровь, но смерть уже прибрала его. Поднял с пола пистолет, достал из кармана документы. Двадцать пятого года рождения. Двадцати не стукнуло, и теперь не стукнет. Я вышел на улицу и огляделся.

Немцы с перекрёстка исчезли, зато появились наши бойцы с автоматами. Завидев меня, закричали:

– Убирай свою шаланду, весь обзор закрыл.

Я в ответ махнул рукой и уселся на подножку. Ноги меня не держали. Подошёл старшина, поцокал языком, спросил:

– Кто тебя так прищучил? Пуля сквозь руль прошла, а ты живой.

– Лейтенанта гранатой подорвали. Бегает тут ээсовец с малолетками.

– Отбегался. Пристрелили суку.

– А пацаны?

Старшина в ответ оскалился зло:

– А что пацаны? Тех, кто успел оружие бросить, в комендатуру отвезли.

Дед берёт из моей пачки две сигареты, ломает их и скручивает сигарку.

Пальцы его чуть подрагивают. Я чиркаю спичку.

– Страшно на войне?

– Страшно.

ПАПА ВЕРНУЛСЯ

Холод пробирал до костей, и Лидка неслась по кривым улочкам

Запанского вприпрыжку. Большие, "на вырост", рабочие

ботинки

с хрустом давили грязный лёд на многочисленных лужах.
Озябшими

руками она прижимала к груди узелок с праздничной пайкой, полученной за ударный труд на заводе. Двести грамм сахара, килограмм

ячневой крупы и пачку махорки. Махорку не хотели давать, зачем она

сопливой девчонке? Заступилась женщина из правления, курево

можно обменять на что-то нужное.

Лидка пересекла пустырь, срезала угол через забытый огород и оказалась у своего дома. Домом назвать хибарку из досок и паровозного шлака было трудно, но какой есть.

Раньше они жили в бараке у самой Волги, но прошлой зимой он

сгорел, и их поселили сюда. Куда делись прежние хозяева, никто не

знал. Замка на дверях не было, значит, мама уже верну-

лась с работы.

Лидка потопала в сенцах ногами, оббивая комья земли с ботинок, и

вошла в комнату. Свет едва проникал через маленькое оконце, и она

чуть прищурилась, чтобы глаза привыкли к полумраку. В дальнем углу

топилась маленькая печь. Её сложил летом одноногий Федя-моряк.

На малиновой от жара чугунной плите фыркал чайник, закопчённый

казанок ждал своей очереди на загнетке.

А рядом с печкой на скамейке, широко расставив босые ноги, в нательной рубашке сидел отец и чистил картошку. Тонкая кружевная кожура мягко падала на расстеленную газету.

– Папка! – Лидка сунула в ворох одежды узелок и завизжала. – Папка!

Она бросилась к нему, повисла на шее, стала целовать в щетину на щеках,

в коротко стриженную, абсолютно седую голову.

– Лида, Лидуся. Вот скаженная. Ты меня свалишь с ног.

Отец стоял, широко раскинув руки. В одной руке у него был нож, в другой

он держал картофелину.

Наконец Лидка успокоилась, отцепилась от отца и отошла к двери. Сняла жиденькое пальтишко, сбросила ненавистные ботинки и сунула ноги в мягкие чупяки.

– Ты как нас нашёл? Я первое время на работу боялась ходить. Уйду утром, а вечером часа два по закоулкам блукаю, дом ищу.

– Язык до Киева доведёт. Пацаны проводили.

– Что готовить собрался?

– Картошки с американской тушёнкой намну. Да супчик сварю. Я на Троицкомбаранины купил.

Лидка засмеялась.

– Этот баран вчера из подворотни гавкал. Да ладно, съедим и такого. Я, пап, руки отогрею и помогу.

Она прошлась по комнате. На широкой маминой постели лежала гимнастёрка. Лидка расправила её, разгладила ладонью складки. На правой стороне блеснул гвардейский значок, царапнули ладонь нашивки – красная и жёлтая.

– Пап, а на фотографии у тебя орден был. Где он?

– Да там, в сидоре всё. И орден и медали.

– А почему не надел?

– Чтобы не потерять.

Лидка села напротив отца, укрепила на двух перевёрнутых вёдрах широкую доску и стала чистить лук.

– У меня тоже медаль есть. "За трудовые заслуги".

– Почему не носишь?

– Мужики смеются. Спрашивают, на каком фронте воевала?

– Плюнь на дураков.

От печки веяло теплом, мягкий свет из окна не резал глаза, и Лидке сделалось так хорошо, что она и не могла припомнить, когда она чувствовала такое полное счастье.

– Да ты, донюшка, никак засыпаешь?

Лидка встрепенулась.

– Нет, нет, папа. От тепла сморило чуток.

– Мама скоро придёт?

– Скоро. Она, наверное, в школу зашла. Полы моет, подрабатывает.

– А Генка где?

– Она его с собой таскает. Оставить не с кем.

– Большой уже? Разговаривает?

Лидка расхохоталась.

– Разговаривает? Матерится. Выздоровливающие в госпитале в нём души не чают. Только он на порог, они уже летят: "Огонёк, к нам. Огонёк, к нам". И лошадку ему вырезали деревянную, и мельницу водяную, и вертушку. Мама после работы его найти не может. У Рыжего от конфет губы не раз-

лепляются. Пап, в кого он такойрыжий? Аж светится весь.

– Мама твоя в девчонках рыжая была. Её и дразнили Солнышко.

– Рыжая? Она каштановая.

Отец пожал плечами. Взял деревянную ложку, помешал в казанке, подумал идобавил соли.

– Смотрю, у вас и картошка, и лук. Из деревни прислали?

– Дядя Тима с оказией привёз. Погреба нет, таскаем мешки туда-сюда, боимся, пропадёт.

– Сами давно там были?

– Я в сентябре была. Дед Яков дом за лето с дядей Тимой поправил. Нас ждёт. Говорит, хватит вам по чужим углам скитаться, возвращайтесь..

Отец потёр ладонью шею, спросил задумчиво.

– Кто из мужиков вернулся?

Лидка наморщила лоб.

– Звонарёв с Липовки, без руки. Дядя Серёжа Гусаков. Ему глаз выбило и левую сторону лица разворотило. Мама ему из щеки осколок плоскозубцами вытаскивала. Стекольщик, не помню кто, без ноги вернулся.

– Знаю, Ведринцев. Это ещё когда я на излечении был, в сорок втором.

Скрипнула дверь в сенцах и на пороге появилась мама. Генка разбежался было, но увидев незнакомого, подался назад. Мама опустила на обувную полку и выдохнула.

– Василь.

Отец, стоявший на коленях перед печкой, так и пополз к ним, протягивая руки.

– Гена, сыночек.

Генка, готовый задать ревака, вцепился в мамин рукав.

Лидка попыталась оторвать брата от мамы.

– Рыжик. Это же наш папка с войны пришёл!

Рыжий вовсе зарылся в мамин живот и заревел.

Минут десять они сидели у порога, плакали, смеялись, уговаривали Генку, и опять смеялись и плакали.

Сели за стол. Мама всё порывалась позвать соседей, но папа останавливал её.

– Успеется. Ещё нагуляемся.

Отец разлил водку по рюмкам. Налили и Лидке.

– Не водка нас делает пьяницами, – отец поднял свою стопку. – Спасибо, дочка. Носи свою медаль гордо. Без неё и наших бы не было.

Генка так и не слез с маминых колен. Лизал петушка на палочке и утыкался в мамино плечо, когда папа обращался к нему. Лидка быстро опьянела, ей отчего-то стало грустно, и она, подперев голову рукой, запела низким грудным голосом.

Были когда-то и вы рысаками,

И кучеров вы имели лихих..

Она вдруг поняла, что песню начала с середины, но остановиться не могла.

Ваша хозяйка состарилась с вами,

Пара гнедых, ой да пара гнедых.

Мама пересадила Генку поудобней и подхватила песню красиво, но тоже вразнобой с текстом.

Грек из Одессы, еврей из Полтавы,

Юный корнет и седой генерал,

Каждый искал в ней любви и забавы

И на груди у неё засыпал..

Спели про чайку, калину красную и ещё что-то. Потом Лидка лежала на своём топчанеза занавеской и думала. Наконец-то война кончилась. Не надо каждое утро слушать сводки по радио, ждать и бояться почтальона, высказывать навстречу каждому военному на улице. Завтра наступит новый день, день, в котором не будет войны. Папа и мама всё ещё сидели за столом и тихо разговаривали.

– Павла я видел в Берлине. Капитан, орденов вешать некуда.

– Он же с двадцать пятого. Девчонки из класса придут к нему задачки решать, а Лидка, чита, бегают вокруг: -" Дядя Паня, дядя Паня!" А дядя Паня на четыре года старше её. Невесты фыркают, а он злится.

– В Чехии сейчас служит, живёт как на курорте. Про Сергея ничего не слышать?

– В Печоре, на лесоповале. Отец узнавал, может, по случаю победы отпустят. Ничего не сказали.

– Значит, в немецких лагерях не досидел.

Лидка не заметила, как уснула. Спала она глубоко и спо-

койно, и ничего ей не приснилось.

ЮДЕ

Сашка очнулся от близкого выстрела: так ломается сухая ветка под ногой неосторожного охотника. Он с трудом открыл глаза и огляделся. По склону высотки группами и по одному бродили немцы. На плечах у некоторых висели наши трёхлинейки без затворов, сами они были вооружены карабинами.

– Трофейщики, крысы тыловые, – догадался Сашка. – В кого они стреляли?

Справа от него, на дороге, стояла серо-зелёная грузовая машина под тентом. К ней, словно щенки к развалившейся матери, слепо приткнулись лёгкая танкетка и мотоциклы с колясками. На обочине, под присмотром скучающей охраны, понуро сидели семь-восемь наших бойцов. Даже отсюда было видно, что сил сопротивляться у них не осталось вовсе.

– Так в кого стреляли фрицы?

Он чуть приподнялся на локтях, чтобы редкая выжженная трава не мешала, и стал наблюдать за немцами. Двое оставились на краю овражка, промытого весенними ручьями и стали смотреть вниз, указывая на что-то невидимое Сашке. Подошёл ещё один, вскинул карабин и выстрелил. Все одобрительно стали хлопать друг друга по плечам. Постояв немного, двинулись дальше.

– Раненых добивают, суки!

Он опять упал в траву и от бессильной злобы заскрежетал зубами.

Роту, оставленную на высоте задержать немцев, пока измотанная отступлением и потерями дивизия не займёт более выгодную позицию, сформировали накануне прямо на марше. В неё включили вышедших из окружения, отставших от других частей, приблудившихся неизвестно откуда бойцов. Командование таким разношерстным воинством поручили молоденькому лейтенанту этого года выпуска. Лейтенант очень гордился полученным заданием и отчаянно трусил, что не оправдает доверие. Было ясно, укрепиться как следует не успеют, и поэтому каждый рыл себе персональный окопчик. Рядом с Сашкой расположился пожилой уса-тый сержант с ручным пулемётом.

– Ему веселей воевать, – позавидовал Сашка, – А у меня две обоймы и даже гранаты не досталось.

Фашисты появились, когда солнце поднялось уже высоко. Шли колонной: впереди мотоциклисты, затем несколько броневиков и за ними грузовики с пехотой.

– Без команды не стрелять! – понеслось по цепи, но было поздно: с фланга беспорядочно захлопали выстрелы. Передний мотоцикл съехал в кювет и перевернулся, остальные развернулись и помчались обратно. Сашка посмотрел на пулемётчика. Тот досадливо сплюнул и припал к прицелу. Короткой очередью он вспорол брезент на ближайшей маши-

не. Оттуда посыпалась пехота. Ещё пара очередей, и немцы залегли. Но уже у дальних машин забегали офицеры, стали выстраивать солдат в цепи, с броневиков ударили пулемёты, просвистела и взорвалась далеко за спиной первая мина. Завертелось. Что было дальше Сашка плохо помнит. Первую атаку они отбили, потом сами ходили в контратаку. В рукопашной он потерял винтовку и дрался лопатой, брошенной ему пулемётчиком. А потом их накрыла артиллерия. Видно его оглушило взрывом.

Из короткого забытья его вывели приближающиеся голоса. Он чуть повернулся и увидел немцев, направлявшихся прямо к нему. Сердце отчаянно заколотилось: что делать? Бежать по полю, только фрицев веселить. Притвориться мёртвым? Прострелят башку для проверки. Жаль, ему не досталось гранаты. А потом у него были свои планы на жизнь, и в его планы не входила смерть. Плен? Хрен они его удержат. Сашка вспомнил своё беспризорное детство: побег из детдомов, приёмников, даже из колонии несовершеннолетних. Он сел и размял затекшие члены. Руки ноги вроде целы, только голова гудит, но это пройдёт. Снял с пояса фляжку, и, пополоскав рот, сделал несколько глотков. Немцы остановились и наставили на него карабины.

– Нет у меня ничего, – усмехнулся Сашка, поднимаясь на ноги. Его обыскали, отняли флягу и погнали к дороге.

Под вечер их привели в большое село на берегу длинного узкого озера.

На той стороне манил своей близостью лес. Огромная площадь была забита военнопленными. В центре угадывался остов деревянной церкви, которую сожгли или раскатали. Отдельно, под охраной, на куче скарба расположились гражданские. Видно было, как дети жмутся к матерям, а у ручных тележек торчат столбиками старики в широкополых шляпах.

– Этих-то зачем под конвоем держат? – удивился Сашка.

Вновь прибывших выстроили в одну шеренгу. В сопровождении помощников подошёл высокий щеголеватый офицер, в перчатках и с тросточкой.

– Пенсне не хватает, – вспомнил Сашка карикатуру в журнале. Офицер пошёл вдоль строя. Иногда он останавливался и произносил несколько отрывистых картавых фраз.

– Что за язык собачий, ни одного слова не разберёшь.

– Коммунистов и командиров ищут, – словно прочитав его мысли, подсказал сосед.

– У них на лбу написано?

– У некоторых написано.

Скоро офицер подошёл к ним. Цепким взглядом он осмотрел Сашку, словно оценивая, и резко выбросил вперёд палку

– Юде.

Постоял немного, убрал палку и, сложив пальцы пистолетиком, снова ткнул в его сторону

– Юде.

Как из-под земли появились автоматчики и выдернули

Сашку из строя. До него с трудом дошло произошедшее.

– Какого черта! Русский я, русский!

Но офицер уже шагал дальше. Сашку почти волоком протащили через площадь и втолкнули к гражданским, наградив напоследок увесистым пинком под зад. Он по инерции пробежал шага три и упал на четвереньки, но тут же вскочил и, сжав кулаки, бросился к обидчикам. На плечах у него повис высокий худой старик, он отбросил его как куль с мякиной и упёрся грудью в ствол винтовки. Здоровенный рыжий немец в мышинной форме с закатанными рукавами, насмешливо смотрел на него сверху вниз. Сашка постоял немного и, развернувшись, пошёл назад. Вслед раздался издевательский хохот.

– Смейтесь, гады! Доберусь я до вас.

Старик, задержавший его, поднялся и отряхивал от пыли штаны и пиджак. Сашка чуть тронул его за плечо.

– Прости, отец.

Он никогда не относился к евреям враждебно, но сейчас бесился от несправедливости и унижения.

Чуть успокоившись, Сашка осмотрелся. Такого оборота он не ожидал. Пока есть силы надо бежать, иначе покалечат или вовсе пристрелят. Он вспомнил бесцветные глаза рыжего. Такому человека убить, раз плюнуть.

Среди гражданских он заметил несколько человек в форме и ободрился. "Одна голова хорошо, а две – банда" – вспомнил он поговорку своего приятеля. На большом фибровом

чемодане, вытянув ногу, сидел командир в зелёной фуражке пограничника и с одной "шпалой" в петлице.

– Товарищ капитан!

Сашка привычно вскинул руку к виску. Пограничник поднял серое от пыли и усталости лицо.

– Не козырь, к пустой голове руку не прикладывают. Что тебе боец?

Говорил он с трудом. Штанина выше колена была разорвана и запачкана засохшей кровью. Через дыру виднелась чёрная рана. Подошел вездесущий старик и отодвинул Сашку в сторону. Он поковырял рану пальцем и что-то крикнул на незнакомом языке. Подбежала молодая женщина с пузатым жёлтым саквояжем. Старик стал извлекать из него крючки, пинцеты, пузырьки и баночки. Сашка, не любивший медицинских процедур, отвернулся.

Жара спала, но солнце ещё высоко висело над лесом. Часа два до заката. Сколько за это время произойдёт? Хотелось пить. Он подобрал с земли камушек, обдул и положил в рот. Старый способ заглушить жажду. Площадь между тем ожила. Затарахтели мотоциклы, немцы засуетились, забегали, раздавая удары прикладами налево и направо, стали строить колонны. К ним тоже подтянулись человек десять фашистов с собаками. Заплакали дети. Капитан, чуть покачиваясь, стоял на одной ноге. Сашка, не задумываясь, подставил ему плечо.

– Куда нас, товарищ капитан? Вечер скоро.

– Далеко не погонят. Рядом успокоят.

На Сашку словно кипятком плеснули.

– А дети? Детей куда?

– Дети тоже евреи.

– Какие дети евреи? Дети, они и есть дети.

Он отказывался верить услышанному.

Их отделили от военнопленных и повели по пыльной сельской улице. Собаки без умолку лаяли и рвались с поводков, дёргая и мотая хозяев из стороны в сторону. У своих домов стояли женщины, скрестив, словно в ознобе, руки на груди. Мальчишки перебежали от ограды к оградке, но подойти ближе не решались. Капитан тяжело опирался на Сашкино плечо и стонал. С ногой у него было совсем плохо, и они начали отставать. Немец, замыкавший колонну, ругался и толкал их в спину дулом винтовки. Кое-как выбрались за околицу и остановились у большого, крытого тёсом, амбара. Свежая белая щепка валялась на траве, пахло смолой и лесом. Амбар срубили недавно, видно перед самой войной. Узкие, в одно бревно, окна-бойницы расположились под самой крышей.

– Взрослый не пролезет, – отметил Сашка.

Ещё одно окно находилось на фронтоне, над воротами.

На углу, под навесом, четыре солдата играли в карты. Пятый, встав на колени, варил что-то в котелке на костерке. Завидев прибывших, неохотно поднялись, сняли огромный запор и распахнули ворота. Один из них вырвал у подростка чемодан, отбросил его в сторону, а мальчика затолкал

внутри. Его примеру последовали остальные немцы. Поднялся страшный гвалт: кричали женщины, плакали дети, орали охранники. Девочка лет шести никак не могла расстаться с тряпичной куклой, но её отняли и бросили овчарке. Собака на лету поймала игрушку, прижала к земле лапами и стала рвать зубами. Девочка с ужасом смотрела, как от тряпичного тельца отрывают целые куски. По щекам её катились слёзы. Мама прикрыла ей глаза ладонью и увела в амбар. За ней последовали и Сашка с капитаном. Он усадил раненого на земляной пол рядом со знакомым стариком, и отошёл перевести дух подальше, к торцевой стене. Его душила злоба.

– Дайте только выбраться!

В том, что он выберется, Сашка не сомневался ни минуты. Слишком много у него накопилось претензий к гитлеровцам за один день. Ненависть захлёстывала его до потемнения в глазах, до спазмов в животе.

– Нелюди!

Он вспомнил глаза девочки, с каким ужасом она наблюдала растерзание любимой куклы. Руки его дрожали. Он несколько раз глубоко вздохнул и выдохнул. Пока остатки света ещё сочатся в амбразуры окон, нужно хорошенько осмотреться. Потолка не было. Забраться на балку и попробовать разобрать тёс на крыше. Плотники вряд ли вбивали гвоздь в каждую доску, а, хорошо подогнав, пришили поперечиной к стропилам. Можно выдавить доску из заднего фронтона, но там стоять негде, хотя, если связать из обмоток

подобие люльки и зацепиться за прожилины...

Размышляя, он не заметил подползшего капитана.

– Думаешь, как сбежать из этой сараюшки?

– А о чём ещё думать?

– Есть планы?

– Попробую через крышу.

– Доски скрипеть будут. Лучше подкоп. Нижние венцы промазаны варом и опираются на вкопанные столбы. Сплошного фундамента нет.

– Так и лопаты нет, ногтями не выкопаешь.

Сашка вспомнил лопату, которой отбивался на высотке. Её бы сейчас. Капитан взял Сашкину руку и вложил в неё нож. Настоящий, тяжёлый, с широким лезвием и костяной ручкой.

– Откуда он у Вас? Вас не обыскивали?

– Ножны я потерял и сунул нож в сапог. При обыске немец не захотел в крови испачкаться и в сапогах смотреть не стал.

Сашка несколько раз ударил в землю рядом, отгрёб разрыхлённый грунт.

– От угла с метр отступи, наверняка не ошибёшься.

Капитан привалился к стене и замолчал. Совсем стемнело. Слышно стало, как за стеной разговаривают немцы, гремят котелками, переругиваются. Иногда они делали обход. Выдавала их губная гармошка Хорошо, что собак увели.

Сашка принялся за дело. Мешали многочисленные корни. Словно живые верёвки они пронизывали землю. Он резал их

ножом, рвал руками, но их не становилось меньше. И всё-таки лаз расширялся.

– До рассвета успею.

Сашка присел отдохнуть. Подполз капитан.

– Что у тебя?

– Нормально. С улицы ветерком тянет.

– Землю не разбрасывай, Я потом замаскирую лаз.

– Как замаскируете? Вместе уйдём.

– Отходился я.

– Товарищ капитан! До озера сто метров, я Вас дотащу.

Переплывём и в лес.

– Гангрена у меня. Лес не спасёт.

Сашка чуть не заплакал от боли.

– Копай не теряй время.

– Там ещё два красноармейца и парнишка. Позвать надо.

– Они не пойдут. Я с ними говорил.

– Почему?

– Ты не еврей, не поймёшь.

Сашка выбрался из амбара перед рассветом. Над озером висел густой туман. Он снял ботинки и связал их шнурками, обмотки продел через темляк ножа и повязал их как кушак на пояс. Вода была прохладная, но окунувшись, Сашка уже не чувствовал этого. Плавать ему, выросшему на Волге, было так же привычно, как ходить. Берег оказался ближе, чем он думал. Пробравшись сквозь густые заросли лозняка, Сашка вновь оказался... на берегу. Что за ерунда? Прошёлся

влево, вправо – вода. «Остров», – догадался он. Он уже собрался плыть, но, вдруг, послышались голоса. Разговаривали по-немецки. Сашка попятился и спрятался в кустах. Ждать пришлось долго. Встало солнце, и туман рассеялся. На берегу, в ста метрах от него, под деревьями стояли танки. Немцы спереди, немцы сзади. Сашка осторожно обследовал свои владения. Крошечный островок сплошь зарос кустарником. Вряд ли кто сюда сунется, если искать не будут. Хорошо был виден амбар, который он покинул ночью. Не далеко ушёл. Сашка снял нож с кушака и лёг в кусты.

Проснулся он от рёва моторов. Танки, выплёвывая клубы дыма и швыряясь грязью, уползли от озера в лес. Там, наверное, была дорога. На противоположной стороне стояли две крестьянские повозки с лошадьми. Мужики и бабы что-то делали, часто наклоняясь: то ли собирали, то ли копали. Лошадей не выпрягали, значит, ненадолго. Ворот отсюда не было видно. Может, угнали всех? Но гоняют с собаками, Сашка бы услышал.

Он опять стал наблюдать за лесом. Сто метров, не терпелось оказаться подальше от проклятого места. Он задремал.

Разбудил его детский плач. Не плач обиженного или капризного ребёнка, а многоголосый плач смертельно напуганных детей. У амбара немецкие солдаты строили в линию евреев. Местные крестьяне, погрузившись на подводы, пытались уехать, но автоматчики перехватили лошадей под уздцы.

Загрохотали пулемёты и плач оборвался. Прозвучали одиночные выстрелы. Наступила тишина.

КОЛЬКА

Колька вставил в АК магазин и передёрнул затвор. Похлопал себя по разгрузке. Вот гадство, последний! Он осторожно выглянул из-за огромного валуна. Перед ним метров на пятьдесят простиралось плато, усеянное мелкими камнями, за которыми не мог спрятаться человек. Пять-семь трупов в восточных одеждах валялись на солнцепёке.

– Самые нетерпеливые, – хмыкнул Колька. С военной точки зрения его позиция неприступна – сзади скала, спереди – ровная площадка. Но эта позиция была и ловушкой. Куда деваться, когда кончатся патроны? Думать об этом не хотелось.

Об их маршруте знали только в штабе. Ушли на рассвете тихо, без шума и пыли. Два дня карабкались по горам, не выходя на связь. И всё-таки их ждали. Слишком умело была организована засада. Два пулемёта ударили одновременно, кинжально, без вариантов. Уцелевшие покатались вниз, огрызаясь и отстреливаясь вслепую. Колька рванулся вперёд и оказался в мёртвой зоне. Обдирая ладони и ломая ногти, выбрался на ровное место. Первой же очередью уложил пулемётчика. Второго не было видно из-за гряды, и Колька, чуть отскочив, навесно послал в ту сторону пару гранат из подствольника. Попал или нет, но и эта зараза заткнулась.

Духи, охреневшие от такой выходки, быстро очухались и с воем погнали его по горам. Колька прятался в камнях, забивался в расщелины, но они находили его, выколупывали огнём и гнали дальше, пока он не упёрся в скалу.

Колька снял рюкзак и пошарил в боковых карманах. Достал горсть патронов и поднял с земли пустой рожок. Двенадцать, четырнадцать, шестнадцать. Не густо, но жить можно, хоть и не долго. Он снова выглянул. Духи что-то затевали. Видно было, как они бегают между камнями, наверное, договариваясь. ЭСВЭДЭшки нет, поучил бы на брюхе ползать. Колька потянулся к рюкзаку. Хотелось есть. Только сейчас он заметил, что рюкзак пробит в нескольких местах пулями. Из одной дыры медленно вытекало сгущённое молоко.

– Суки! Без сладкого оставили.

Он откинул верхний клапан, достал флягу с водой, порылся в поисках галет. В руки попался рулончик долларов. Летёха дал ещё весной, когда на караван ходили.

– На фига они мне? – хотел отказаться Колька.

– Бери, на гражданке пригодятся. Не век же тебе воевать.

– А я ничего другого и не умею, – пожал Колька плечами.

Это была правда.

До призыва он окончил ПТУ и три месяца проработал токарем на заводе. Жутко ему не понравилось. Весь день стоять у станка и точить ерунду, у которой и названия не было – изделие номер семь. Друзья по детдому разлетелись кто куда, в основном по лагерям. Девчонки повыскакивали замуж.

Возвращаться было некуда, и Колька, не задумываясь подмахнул договор на сверх срок.

– Слушай, друг. Не стреляй. Разговаривать буду.

Колька глянул, что за друг у него объявился. На открытом месте стоял абориген в полосатом халате и высокой белой чалме. Чистый Насреддин, только вместо посоха в руке сжимал штурмовую винтовку.

– Ты хороший воин. Айда к нам. Много денег давать будем.

– Мне и здесь платят прилично.

– Девушку тебе выберем хорошую. Две девушки.

– Страшные они у вас, зря что ли морды платками занавешивают?

– Зачем страшные? Красивую найдём.

Темнит, азиат. Не агитировать он вышел. Колька глянул по сторонам. Всё, вроде, тихо.

– Азамат с тобой драться хочет. Ты брата его убил.

– На кулаках что ли?

– Зачем кулаки? У тебя кинжал есть?

– Есть. Я им карандаши чиню.

Колька потянул из ножен нож с косо посаженным лезвием. Американский, каких-то там котиков. Дембель подарил на радостях, до сих пор, наверное, жалеет. Побросал его из руки в руку. Удобный, хоть для левой, хоть для правой. Про такие схватки он слышал. Одна загвоздка: живых свидетелей за пять лет не встречал.

– Слышишь, друг. А что будет, если я вашего джигита мало-мало зарежу?

На той стороне задумались. Видно, такой вариант не рассматривался.

– Ты нам не нужен. Иди куда хочешь. Аллахом клянусь.

– Видел я вашего аллаха, когда вы сало жрали.

Колька опять поиграл ножом. Капризничать не приходилось.

– Слушай, тунгус, у тебя мама есть?

Колька откровенно хамил, накручивая себя перед боем.

– Есть мама. Как не быть?

Очень просто. У Кольки не было ни отца, ни матери. Имя дали нянечки в доме малютки. Чтобы не заморачиваться, дали отчество и фамилию. Николай Николаевич Николаев. Носите, не стаптывайте.

– Поклянись здоровьем матери, что отпустите живым.

Несколько минут там совещались. Наконец Насреддин провозгласил:

– Клянусь.

– Выставляй бойца.

Он отстегнул гранату и сунул её в карман куртки. Духам про неё знать не обязательно. Собрав свой нехитрый скарб, вышел из укрытия. Азамат ждал его, ощерив бородатую морду и размахивая метровым кинжалом.

– Здоровенный бугай, – оценил Колька противника, – Да мне с ним не канат перетягивать.

Он опустил рюкзак, положил сверху взведённый калаш и достал "пёрышко". Сблизившись, пошёл по кругу в одну сторону, потом в другую. Посмотрим, как он двигается.

Двигался бородатый хорошо. Прыгнул вперёд, и Колька с трудом увернулся от вспоровшего воздух клинка. По спине пробежали мурашки. Духи вылезли из щелей и одобрительным гулом поддерживали своего воина.

– Этот балаган пора прекращать. Смеяться никто не будет.

Ускользнув от очередной атаки, Колька сам сделал выпад. Азамат чуть развернулся для замаха, и Колька, нырнув под руку, ткнул его в грудь снизу. Нож, не задев рёбер, вонзился по самую рукоятку. Он выдернул его и, отскочив, вытер об рукав, хотя на лезвии не было ни капли крови. Бородатый рухнул на землю.

– Вай, вай! – завизжали "болельщики". Бабахнули выстрелы, и с Кольки пулей сбило панаму. Он метнулся к рюкзаку. Перед духами встал переговорщик в чалме. Он что-то прокричал своим, размахивая руками. Те порычали, как собаки, отогнанные от миски с мясом, но стрелять перестали. Всем гамузом пошли к убитому Азамату.

Колька стоял над своим рюкзаком, опасаясь наклониться за оружием. К нему подошёл Насреддин и уставился белыми от ненависти глазами, прошипел сдавленно:

– Иди. Быстро иди. Через десять минут мы за тобой все пойдём. Голову тебе, шайтану,отрежем.

– Через десять минут хрен вы меня догоните, – злорадно

подумал Колька.

Он повесил на плечо автомат, подхватил рюкзак и двинулся к перевалу.

ЗВОНОК

– У меня зазвонил телефон, – недовольно пробурчал Андрей и глянул на

экран. Номер был незнакомый, но у него вдруг перехватило дыхание и

замерло сердце. Как перед выстрелом.

– Привет, Чёрный. Это Эмма. Как живёшь, дорогой?

Ростов – город-перекрёсток. Кто-то едет на Кавказ, кто-то в Украину. Андрей ехал в Грозный. Проводники задерживались, и он терпеливо ждал их около табачного киоска. Неожиданно почувствовал – его рассматривают. Внимательно, изучающе. Резко обернулся. Шагах в тридцати стояла высокая стройная девушка в брючном костюме. Встретившись глазами с Андреем, смутилась, торопливо поправила сбившуюся причёску, и, легко подхватив тяжеленную сумку, пошла к стоянке такси. Озадаченный Андрей остался на месте.

Через месяц, в горах, в палатку ввалился майор-артиллерист.

– Чёрный, беда! Снайпер объявился, троих моих парней завалила.

– Завалила?

– Разведчики пробили. Баба, эстонка. "Эмма" позывной.

– Баба, говоришь, – Андрей поскрёб ногтями небритую щёку. Вспомнилась девушка в Ростове. Почему она на него смотрела, чем он привлёк её внимание?

Попробовал восстановить всю картинку. Привокзальная площадь, суета, пассажиры, чемоданы, баулы, сумки. Стоп! Сумка!!! Большая армейская сумка, в точности как у него. И ещё что-то ... Андрей глянул на свои ноги. Ботинки! Ботинки натовских егерей. На ней были такие же.

– Видел я её на вокзале, – уверенно сказал Андрей, присаживаясь к столу.

– Иди ты! – изумился майор. – Как узнал?

– Только сейчас дошло. Вспомнил, как она ходит, как смотрит, как сумку несёт.

Сумка у неё наша, спецназовская, в ней, судя по ремням, пуда полтора веса, а она её одним движением на плечо забросила. Сноровисто, привычно.

– Опытная, сука, – зло сплюнул артиллерист.

– Вряд ли. Инструкторами на полигоне натаскана, вышколена.

– Почему так думаешь?

– Дёрнулась, когда я её на площади вычислил. За волосы схватилась, смутилась даже. Не обтёрлась ещё, не заматерела. Вот смерть её за гланды потрогает, тогда ясно будет – снайпер она или хвост собачий.

– Останови её, Чёрный, – сжал огромные кулаки майор. – Не за себя, за ребят прошу.

Третий день Андрей сидел в засаде. Знал – здесь она объявится, не пройдёт мимо такого удобного места. Надо ми-нёрам подсказать, чтобы погуще склон засеяли. Хороший стрелок отсюда натворит дел, кровью умоемся. Он ещё раз осмотрелся. Всё без изменений. В горах осенью холодно, сыро, неудобно. Неудобно?

По спине Андрея забегали мурашки. Она его видит, поэтому так неудобно. Он кубарем скатился в отрытый заранее окопчик. Тяжёлая пуля ударила в камень, прикрывавший голову, мелкий осколок оцарапал висок.

Ночью в лагере окликнул радист;

– Чёрный, тебе "Эмма" звонила. Домой она завтра уезжает, не ищи больше.

– Как ты нашла меня, "Эмма". Не сейчас, а тогда, в горах?

– Взгляд почувствовала. Беспощадный, волчий. Меня словно в лёд впаяли.

– Я тебя не видел.

– Видел, за камень принял.

– Почему не убила?

– Испугалась. Поняла вдруг, что сама волчицей становлюсь. Жить с этим не смогу.

– Но стреляла.

– Винтовку разрядила. Зарок дала: если выберусь – в руки не возьму.

– В монашки записалась?

– Нет. Бог моей молитвы не примет..

ПОВЕСТИ

ВЫХОДНЫЕ В КЕРЧИ

Если бы проводился чемпионат редких и забавных фамилий, то наша

стройка претендовала на роль лидеров. Судите сами: начальник участка -

Могила А.В., бригадир монтажников – Фарфура. Миловидная женщина,

бригадир штукатуров, и вовсе – Мабута. Когда узнали фамилию новенькой

крановщицы, не удивились. Шкаруба, так Шкаруба. Звали её Люда, но вскоре

ей дали другое имя.

Стропальщик лоханулся и уложил гак на землю. Ослабший трос соскользнул сбарабана и намотался на вал. Люда из своей кабины не видела рабочей зоны и полагалась на команды монтажников. Высказав всё, что про нас думает, она полезла на стрелу. Мы с ужасом смотрели, как крохотная фигурка на высотедятого этажа пробирается к застрявшей тележке.

– Безбашенная, – произнёс Витька Дубасов, когда краповщица уже сидела засвоими рычагами, и трос послушно затекал в ручейки. Так и приклеилось.

Мне она нравилась. Весёлая, круглолицая, с огромными карими глазами в опушкезолотых ресниц.

– Ты в кого такая глазастая? – спросил её однажды, набравшись смелости.

– В маму. Она из татарского княжеского рода.

– Так ты княжна?

– Да. Если ты принц, то можешь засылать сватов.

Нет, в принцы я не годился. Моя семья самая что ни на есть рабоче-крестьянская. Перед Людой я робел. Держалась она независимо, попытки ухаживания пресекаларезко, без девчачьих ужимок. Парни решили над ней подшутить и в обеденныйперерыв сунули ей в карман рабочей куртки карты с голыми красотками.

– Тю, скаженные! Такого добра я в зеркале насмотрелась. Мужиков надо.

В пятницу, после душа, мы собрались в вагончике и в сотый раз обсуждали, как убить два выходных дня. Без стука вошла Люда. Лёгкое летнее платье плотно облегалo ладную фигуру, густые, с рыжинкой, волосы волной стекали на плечи. Мы невольно залюбовались "безбашенной".

– Малой, со мной в Керчь поедешь?

Малым меня звали не за рост, а за возраст. В свои восемнадцать я был самыммолодым в бригаде. Я растерялся.

– Почему в Керчь?

– Живу я там, а здесь работаю.

Все засуетились, стали давать советы и наставления. Но чувствовалось – завидуют.

– Ох, испортишь ты нам мальчишку, – сокрушался бригадир.

– Не бойтесь. Верну в целости и сохранности.

– В сохранности – да, а вот в целости...

Людка треснула Фарфуру по затылку, он в ответ хотел шлёпнуть её по попе, но она увернулась и отскочила к двери.

– Поехали, Малой. Нечего тебе с этими кобелями киснуть.

Заглянули ко мне в общежитие. Я надел новые джинсы, модную цветную рубашку, вынул из коробки итальянские туфли. В сумку покидал плавки, сандали, тениску.

Люда ждала меня в фойе. Оглядела со всех сторон и осталась довольной.

– Хорош, ничего не скажешь. Подружки обзавидуются.

Зачем мне подружки? Я для неё нарядился.

Ехали долго. Старенький, потрёпанный "пазик" то спускался к самому морю, то карабкался по горам козьими тропами. Иногда попадались какие-то селения. Люда говорила названия, но они выветривались из головы быстрее, чем проносились. На одной остановке в автобус влезли две молодые женщины, обвешанные корзинами и сумками.

– Людка, – радостно завопили они и полезли обниматься. Мне пришлось прижаться к самому окну, чтобы не получить

авоськой по голове.

– К отцу, на выходные? – тараторили подружки, а сами ошупывали меня глазами. Мне хотелось расстегнуть рубашку и вывернуть карманы.

Пассажирки уселись на заднее сиденье и то и дело звали оттуда.

– Люд, а что там..., Люд, а как там...

Люда жалостно посмотрела на меня.

– Да иди уж. Не отвяжутся.

Им казалось, что они разговаривают тихо, но вой изношенного двигателя заставлял почти кричать. Слух у меня был хороший.

– Жениха везёшь отцу показать?

– Чем он вам не нравится?

– Симпатичный, но молодой больно. Пацан совсем.

– Возмужает, опомниться не успеет. И я ещё не старуха, двадцать два только.

– А Вовка?

– У Вовки одни курортницы на уме. Напоят, накормят и спать уложат.

Покинули мы общественный транспорт в страшном захо-лустье. Среди скалпод деревьями угадывались два-три убо-гих домика. На древнюю столицу

понтійского царства они не тянули.

– А где Керчь? – спросил я обескураженно.

Люда беззаботно махнула ладошкой в сторону уползающего автобуса:

– Там, километров пятнадцать по дороге.

По узкой тропинке спустились к морю. Метрах в пятидесяти от воды стоял большой деревянный дом, похожий на амбар.

– Терем княжны? – съехидничал я.

– Дворец, – Люда заспешила к высокому седому старику, встречающему нас у дверей.

– Папа, я на выходные, – она обняла старика и потёрлась щекой о его небритую щеку. Вот те раз, а я думал это её дедушка. Люда расцепила руки и представила меня отцу.

– Лёша. Мы работаем вместе.

Старик внимательно посмотрел на меня серыми прозрачными глазами и протянул широкую, как лопата, и твёрдую, как железо, ладонь.

– Василий Егорович.

Внутри дом показался ещё чуднее, чем снаружи. Большое помещение пересекали фанерные перегородки. То ли комнаты, то ли чуланы. Посередине стояла печь, сложенная из дикого камня. Сготовить на ней можно, но тепла не дождёшься.

Пока я осматривался, Люда скользнула за перегородку и через минуту появилась в домашнем халате и мягких тапочках.

– Садитесь за стол. Ужинать будем.

От ужина я отказался, и она принесла большую кружку душистого чая и целую горубутербродов с ветчиной и сыром. Я пил чай и любовался девушкой. Нравилось, как она ловко управляет с посудой, режет хлеб широким ножом, разговаривает с отцом, тихо, ласково. Иногда она смотрела на меня и улыбалась. С ней было тепло и уютно.

Поблагодарив хозяйку, я встал из-за стола.

– Пойду, покурю.

– Кури здесь, – разрешил старик, но я уже был за дверью.

Солнце опустилось за гору, и высыпали первые звёзды. Рядом дышало море. Волны неторопливо накатывались на берег и отступали с лёгким шипением, теряя пену. Где-то далеко, наверное, в проливе, торжественно и низко пропел пароходный гудок. Я снял туфли и осторожно пошёл по острым камням к воде. Столько веков их шлифует море, и не может побороть их гранитное упрямство.

– Купаться будешь?

Люда подкралась тихо, по-кошачьи. Отрицательно потряс головой.

– И так хорошо, не жарко.

– Тогда иди вдоль берега и не оглядывайся.

– Зачем? – не понял я.

– За надом, – засмеялась она.

Развернула меня и легонько подтолкнула в спину.

– Не подглядывай.

– Голая купаться будет, – догадался я, – вот безбашенная.

Отошёл шагов на тридцать и не выдержал, оглянулся. Обнажённая девушка входила в море. Вот она вошла по колено, по пояс, по грудь. Тихонько охнула, присела и поплыла. Плыла не правильно, по-женски, высоко держа голову и выбрасывая руки чуть в стороны. Я задохнулся от любви и нежности к этой неправильной пловчихе.

Люда купалась долго. Подплыла ближе, спросила насмешливо.

– Подглядываешь?

– Подглядываю, – сознался я.

– Отвернись, я выйду.

– И не подумаю.

– Тогда принеси мой халат и обувь.

Я пошёл искать одежду. Когда вернулся, Люды не было. Через несколько минут она позвала меня от дома. На ней был другой халат и тапочки.

– Я постелила тебе на веранде. Пойдём, покажу.

Верандой они называли деревянный настил под навесом за домом. Койкой служил топчанин из досок. Люда села на постель, похлопала по ней ладошками.

– Ничего, бока не отлежишь. Два одеяла снизу.

– С тобой хоть на камнях, – ляпнул я.

– Один не соскучишься, – и, вспомнив Фарфуру, засмеялась, – целее будешь.

Я сел рядом и взял её руку. Она руки не отняла. Осмелев, обнял за плечи и поцеловал в губы. Губы мягкие, послуш-

ные. Стал целовать глаза, щёки, опять губы. Люда, вдруг, отстранилась и решительно встала.

– Хорошего понемножку, – потрепала мне волосы. – Спи, горе моё.

ВЫХОДНЫЕ В КЕРЧИ (ОКОНЧАНИЕ)

Утром меня разбудил голос Люды:

– Лёша, вставай, день на дворе!

Я притворился спящим и следил за ней сквозь ресницы. Она наклонилась ко мне ниже, погладила по щеке.

– Проснись, соня.

– Попалась!!!

Она забилась в руках, попыталась вырваться, но потом ослабла, губы её

открылись навстречу моим, тонкие пальчики запутались в моих волосах. Я целовал её глаза, руки, синюю жилку на виске: – Солнышко, татарочка моя, звёздочка!

С моря слышался какой-то шум, коротко вякнула сирена. Люда выпустила мои волосы, прислушалась.

– Катер за папой пришёл.

Она встала, поправила халатик и ушла за дом. Я полежал немного и тоже стал одеваться. Умылся водой из-под крана, растёрся полотенцем. Люда проводила отца и позвала завтракать. Я уминал бычков со сковороды, а она сидела напротив, и смотрела на меня не моргая. Этот взгляд мне не нравился. Так смотрит мать на взрослеющего сына.

– Ты что, Люд?

Она улыбнулась и махнула ладошкой.

– Да так что-то. Ты отдыхай, сходи искупайся, а я займусь делами, пока отцадома нет.

Отдыхать одному не хотелось, и я взялся ей помогать. Сначала только мешался, но затем приспособился. Вытащил стиралку на улицу, соединил с розеткой, принёс воду. Мы даже разговаривать успевали.

– Как вы здесь живёте? Водопровод временный, электропроводка временная. Зимой у вашей печки околеешь.

– У нас квартира в городе. На лето сдаём квартирантам, а сами сюда, как на дачу. Дом от рыбаков достался. Артель ликвидировали, всё побросали.

– А мама где?

– Мама умерла пять лет назад. Рак крови.

Я заткнулся, но вскоре опять полез с вопросами.

– Папа у тебя такой пожилой.

– Мама на двадцать лет моложе была. Она его в госпитале нашла, умирающего. Год выхаживала, отбила у смерти. Он белорус, в войну всех родных потерял. И мама одна.

– А мама почему одна?

– В сорок четвёртом всех татар выселили, а мама в госпитале работала, про неё забыли. А я появилась, когда уж и ждать перестали.

Люда засмеялась.

– Ты знаешь кто я по паспорту? Феодосия. Богом данная.

– А Люда?

– Я сама себе имя придумала. На другое не стала отзывать. В школе дразнили – Федя, Федора.

Со стиркой закончили, и Люда занялась уборкой. Я всё – таки сходил искупался.

Когда вернулся, она хлопотала у плиты.

– Лёш, тебе что сготовить? Ты что любишь?

– Что угодно, но повкуснее и побольше.

– Тогда азу по-татарски. Не зря ты меня татарочкой называл.

Я подошёл и поцеловал её в завиток за ухом. Она погрозила мне поварёшкой.

– Совсем испортился. Что я твоему бригадиру скажу?

После обеда Люда заставила меня одеться "прилично" и сама принарядилась

Даже глаза подвела, хотя они и без того в пол лица.

– В посёлок пойдём, в магазин. А то папа без меня одной рыбой будет питаться.

До посёлка добирались почти час по каким-то партизанским тропам, наконец, вышли на асфальт. Посёлок, как посёлок. Двухэтажные дома, киоски, скверик, скамейки, фонтанчик. Люда повисла на моей руке и здоровалась со всеми встречными. Ей охотно отвечали. Кое-как добрались до магазина. Я задержался на крыльце и осмотрелся. Так и есть, мы сделали круг. Вот лиса!

Набрали всякой всячины полную сумку. Я хотел запла-

тить, но Люда не позволила.

Она уже прятала деньги в кошелёк, когда в магазин в окружении трёх девчонок ввалился парень лет двадцати пяти. Широкоплечий, русоволосый, с нагловатыми глазами. Люда дёрнулась, как от удара током, засуетилась и, вдруг, заканючила.

– Лёшенька, купи мне шоколадку, – и стрельнула глазами в сторону парня.

Я тоже посмотрел. Ну, здравствуй, Вова.

Протянул деньги продавцу.

– Шоколадку мне.

– Какую.

– Любую. И коробку конфет.

Мы отошли метров десять от крыльца, когда услышали.

– Шкаруба, богом данная, тормози!

Люда съёжилась, отпустила мою руку.

– Ну, чего тебе?

– Ты что же, Шкаруба, вчера приехала, а в гости не зашла?

Он стоял в метре от нас, засунув руки в карманы. Непростительная ошибка. Но я ещё надеялся на мирный исход:

– Парень, отвяжись, а?

– Слияй, пацан, с тобой не разговаривают.

И он сплюнул мне под ноги. Самарские задворки не оранжерея, и разговаривать не собирался. Врезал ему ногой в колено с доворотом. Он взвыл и покатился по асфальту. На месяц костыль ему обеспечен. Люда бросила коробку и ки-

нулась ему:

– Вова, что с тобой? Тебе больно?

– Уйди, сука, убью. Обоих убью.

Я повернулся и пошёл к морю. Чтобы не ударить ещё раз.

И не обязательно Вову.

Люда нашла меня вечером. Села рядом. Помолчали.

– Нельзя так. Он же тебе ничего не сделал.

– Сделал. И больше, чем я ему.

Опять помолчали.

– Нельзя так с человеком.

– А со мной так можно? Ты меня зачем сюда приволокла?

Вове доказать, что без него обойдёшься? А обо мне ты подумала? Я без тебя обойдусь?

Через неделю моя командировка закончилась. На автобус в аэропорт меня провожал Фарфура. Неловко потоптавшись у дверей, сунул мне конвертик:

– Вот, безбашенная просила передать.

Так он и лежит в альбоме до сих пор, не распечатанный.

ГЛАГОЛ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Зима тянется долго и надоедливо. Лето пролетает быстро и незаметно.

Зато осень... Она приходит тихо, обволакивает лёгкой грустью, будит

воспоминания.

В молодые годы осень намертво была связана с уборкой

картофеля.

Студент? Месяц полевых работ. Молодой специалист? На две недели в колхоз!

Впервые на картошку я угодил сразу после школы от завода, где из меня пытались сделать классного слесаря. На площади перед ДК собрали человек сто молодых людей со всего района, без которых производство могло обойтись некоторое время. Командовать этой ордой поручили райкому комсомола, поэтому в автобусы грузили не по организациям, а общим списком. Так я оказался в тесном коллективе НИИ "ГИПРОВОСТОК".

Долго рассаживались, распахивали под сиденья рюкзаки и сумки, устраивались поудобней, чтобы ничего не мешало. Двести километров в те времена – расстояние не шуточное. Наконец все угнездились, и автобус повёз меня навстречу приключениям. Я смотрел в окно на мелькавшие перелески, когда меня толкнули в бок:

– Хватит киснуть. Не на войну едешь. Айда к нам!

Огромный курчавый парень выдернул меня с места и проводил в конец автобуса. Там каким-то чудом собрались почти все пассажиры. Только на передних креслах остались две тётки и пожилой гражданин. Они укоризненно поглядывали на весёлую кампанию.

– Это Валя, Иван, Маша, – стал представлять мне попутчиков парень.

Я кивал головой, пожимал руки, но никого не запомнил.

Последним парень назвал себя.

– Я Рома. Еврей и младший научный сотрудник. Совмещаю.

Мне подвинули ведро и усадили за импровизированный стол из снятой спинки сиденья. На газетке грудились нарезанная колбаса, помидора, огурцы. Рома достал гранёный стакан, наполнил его до краёв водкой и протянул мне. Я в страхе отшатнулся:

– Куда столько?

Он пожал плечами и выпил сам.

– Нормально.

От удивления я не нашёл ничего лучшего, как спросить:

– Ты правда еврей?

Он словно ждал вопроса.

– У меня паспорт в штанах, показать?– и взялся за молнию.

Все, даже девушки, буквально покатались со смеха. Я был ещё слишком молод для таких шуток и отвёл глаза.

– Ой, девочки. Он покраснел, – взвизгнула от восторга крашенная блондинка, и новый взрыв хохота потряс наш ковчег. Впрочем, смеялись не зло, просто всем было весело. Я выпил пол стакана вина и тоже повеселел. Рома взял гитару. Играл он и пел великолепно. Весёлые песни чередовались с грустными. Никто не подпевал: соврать при таком мастере было стыдно. Дважды в пути останавливались у магазинов и пополнялись "горючим".

На место прибыли вечером. Автобусы уехали, а мы всем гамузом пошли с мужиком в линялой кепке и кирзовых сапогах по широченной деревенской улице.

– Как село называется? – спросил кто-то.

– Булькуновка.

Мужик остановился у одного дома, заглянул в бумажку.

– Две комнаты, десять человек.

Нам досталась трёхкомнатная изба.

Рома по-хозяйски осмотрел апартаменты и распорядился.

– Угловая наша.

Он пропустил в неё Валентина, трёх девчонок и поманил меня. Краска стыда снова залила лицо. Я отрицательно затряс головой.

– Как знаешь, – усмехнулся Рома, но в комнату больше никого не пригласил.

Я устроился в большом зале у окна. Отодвинул в сторону старый матрац и достал из рюкзака спальник. Рядом два парня из НИИ уже приготовили постель и выкладывали на картонку еду. Есть не хотелось, и я вытянулся на войлочной подстилке. Соседи обсуждали начавшийся матч Карпов – Каспаров. Оба болели за молодого гроссмейстера и пророчили ему победу. Я тоже был на стороне бакинца, но дух противоречия оказался сильнее.

– Карпов выиграет, – сказал я равнодушно.

Они посмотрели на меня, как на врага. Один, Сергей, даже затрясся от злости.

– Много ты понимаешь в шахматах.

Мне было смешно, но из вредности подбросил в костёр хвороста.

– С твоё понимаю.

– Да я...да я...Я в ноябре на первенство города играть буду!

– Ты ещё будешь, а я в прошлом году на первенстве области играл и третье место занял.

Я не врал. Но не сказал, что турнир проводился по ДСО "Урожай" и я играл на четвёртой доске. Команда стала третьей. Сергей не унимался.

– Кого в клубе знаешь?

Веселиться, так веселиться.

– Всех знаю: Иванова, Сидорова, Петрова.

– Нет таких шахматистов.

– Вот те на! Защита Петрова есть, а шахматиста нет.

– Петров есть. Был. А у нас нет.

– Есть, был, нет. Ты уж определись как-то.

Он вскочил и заметался по избе.

– Шахматы. Дайте шахматы.

На него смотрели, как на чумного. Он вернулся и сел напротив меня.

– Завтра я достану шахматы.

Мне бы, дураку, остановиться, но не утерпел.

– А чего ждать. Слепую слабо?

Сергей побледнел и выдавил хрипло.

– Давай.

Настала моя очередь бледнеть. И ведь не скажешь, что пошутил. Драться кинется. Эх, бей первым, Фреди.

– Е четыре.

– Е пять.

– Конь ЭФ три.

Сейчас он успокоится немного и повинюсь.

– Конь ЦЭ шесть.

Испанка. Ещё ходов на семь меня хватит.

– Слон БЭ пять.

– А шесть.

Да успокойся ты, чёртушка, или ошибись!

– Слон А четыре.

– Конь ЭФ шесть.

К нам подошла крашенная, привалилась к моему плечу грудью.

– Вы что, в гляделки играете? Кто первый моргнёт?

– Слияй отсюда, – зарычал Сергей, но я уже вцепился в неё, как утопающий в спасательный круг.

– Не грубите девушке, гроссмейстер!

– Ходи!

– Короткая рокировка. Простите, маэстро, но дела сердечные не терпят. На досуге доиграем.

От такого нахальства он офигел, и мы продефилировали в комнату Ромы.

– Вот, привела дезертира.

Рома улыбался от уха до уха.

– Ты что, нашего Сергуньку на шахматы посадил? Он теперь тебе проходу не даст.

– Выкручусь. Я склизкий.

– Пойдёшь с нами?

– Хоть на край света. А куда?

Только теперь я заметил, что все одеты по-походному. У дверей стояла спортивная сумка, и лежали скатанные два солдатских одеяла.

– Сегодня лунное затмение. Такое событие грех пропустить.

– Пять секунд. Куртку накину.

В сенях Рома придержал меня за рукав.

– Наденьку отвлеку малость. А то она девушка правильная, может не одобрить наше поведение.

Я слегка опешил.

– А кто из них Наденька?

Теперь удивился младший научный сотрудник.

– Девушка об него все глаза сломала, а он даже её имя не запомнил.

ГЛАГОЛ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (ПРОДОЛЖЕНИЕ ДЛЯ АЮШКИ)

Луна сияла в полнеба. В её свете редкие звёзды поблёскивали обойными гвоздиками.

– Надя, отдай сумку юнге! Негоже даме таскать тяжести.

За мной, пираты!

Двухметровый Рома, в накинутом на плечи одеяле, и впрямь был похож на разбойника. Шляпу бы ему с пером, да ботфорты со шпорами.

Вышли за околицу на скошенное поле. Подсохшая стерня тонко похрустывала под ногами. Надя шла рядом, изредка поглядывая на меня. Как такие глаза я не заметил в автобусе? Огромные, омутные, в густой тени ресниц.

– Старею, – изобразил я вздох провинциального актёра.

– Вижу стог сена, – радостно закричал Валентин, и они с блондинкой понеслись наперегонки.

"Стог сена" оказался ячменной соломой, небрежно наваленной в огромную кучу.

Расстелили одеяла, девчонки зазвенели посудой.

– Вилки забыли. Салат руками есть будем?

Я достал из кармана энцефалитки кожаный футляр, извлёк походный нож.

– Здесь и вилка и ложка, записывайтесь в очередь.

Рома уже откупоривал бутылки.

– Кавалерам водка, дамам благородный напиток "Портвейн 72".

Свою порцию спиртного я незаметно вылил за спину.

После короткого оживления, все чуть притихли и уставились в небо.

– Рома, где обещанное затмение?

– Успеется, вся ночь впереди.

Надя тоже смотрела на луну. Она даже прилегла для удобства. Я наклонился к ней и взял её руку в свою, погладил большим пальцем ладошку, словно читая линии судьбы. Она засмеялась.

– Щекотно, – но руку не отняла.

В лунном свете её лицо казалось бледным, но искорки в глазах оживляли его.

– В твоих глазах звёзды отражаются, – удивился я.

– Да? А ещё что в них отражается?

– Сейчас посмотрю.

Она обняла меня за шею, прижала к себе и крепко-крепко поцеловала. От неожиданности перехватило дыхание, и я забился, как рыба на берегу, вырвался и стал озираться по сторонам. Куда все делись, и, главное, когда? Мы остались одни на этой горе.

– Испугался, маленький?

– Вот ещё.

Я наклонился и поцеловал её сам. Мягкие губы сохранили терпкий привкус вина и спелого яблока. Высокая упругая грудь покорно сминалась под моей рукой. Мне захотелось поцеловать её, но на кофточке не было пуговиц, и я осторожно потянул край из-под ремня джинсов. Надя чуть отстранилась.

– Не надо.

Она накручивала на тонкие пальцы мои волосы и улыбалась.

– Откуда ты взялся на мою голову, цыганёнок кудрявый?

– Комитет комсомола прислал.

– От этого комсомола одни неприятности.

– Я тебе не нравлюсь?

– В том-то и беда, что нравишься.

Я коснулся губами её губ.

– Ты мне тоже нравишься.

– Весь день не замечал и утром не узнаешь.

– Узнаю. Я тебя в любой толпе узнаю.

Надя села, отряхнула с себя мелкую солому.

– Пошли домой.

– Пошли – глагол прошедшего времени.

– Вот-вот. Время прошло, затмения не будет. Соврали астрологи.

Утром я плескался у раковины, прибитого к углу дома, и вспоминал ночной разговор с Надей. Какая беда в том, что я ей нравлюсь? С зубной щёткой в руке и полотенцем через плечо подошёл Сергей. Не дав мне одуматься, выпалил.

– Конь ЭФшесть берёт на Ечетыре..

– Какой конь, кого он берёт?

– Мой конь берёт твою пешку на Е четыре.

– Отвяжись, а?

– Струсил.

– Маленьким таких страшных не боялся.

– Тогда ходи.

Не отстанет. Дёрнул меня чёрт зацепить дурачка.

– Ладья ЭФ на Е один, – буркнул я и убежал в избу.

Потянулись трудовые будни. Осень стояла тёплая, сухая. Утром нас везли на центральную усадьбу завтракать, затем в поле. Обед, ужин – в Булькуновку. Убивала не работа, убивало однообразие. Все поскучнели, стали раздражительными. Только с Ромы – как с гуся вода. Его гитара звенела не умолкая. Девки висли на него гроздьями. Вскоре он перестал появляться у нас.

Надя меня избегала. В поле окружала себя подружками, в автобусе забивалась в угол. Если я заходил в их комнату, пряталась за шторку. А меня всё сильнее тянуло к ней. Я вспоминал вкус её губ, отражение звёзд в её глазах. Такая близкая и такая недоступная. Мне казалось – стоит только взять её за руку, заглянуть в её глаза и всё изменится. Но день шёл за днём, а ничего не менялось.

Сергей тоже отстал. Мы залезли с ним в дебри миттельшпиля, и он, видимо, заблудился. Незаметно я сблизился с Валентином. Всё свободное время он сидел в сторонке и рисовал в альбомных листах то ли мелками, то ли специальными карандашами. Мимходом заглянул через плечо и остолбенел.

Он рисовал портреты.

– А разве тебе не надо натуры?

– Для натуры фотоаппарат есть. А мне нужна вся гамма чувств. Какой он в радости, какой в печали. Только из многообразия складывается одно целое.

– Можно? – дотронулся я до толстой пачки.

– Смотри, если интересно.

Я стал перебирать листы. Рома с гитарой. На рисунке и без паспорта узнаешь еврея. Нос с горбинкой, прищур глаз. Но это хороший еврей, свой в доску. Пожилая женщина с переднего места в автобусе. Взгляд строгий, осуждающий, но глубоко на доньшке – зависть. Где мои семнадцать лет. Блондинка крашенная. Лицо правильное, даже красивое. Но что-то есть неуловимое, притягивающее и отталкивающее одновременно. Что именно?

– Стервозность, – подсказал Валентин, словно прочитав мои мысли.

Точно. Вот отчего чувство тревоги, когда она рядом.

– Ты спецам показывал свои работы?

– Все мозги мне запудрили. Буду рисовать, пока рисуется, а там видно будет.

Один день нам устроили выходной. То ли трактора в колхозе сломались, то ли народа пригнали много, и на всех картошки не хватило. Все разбрелись кто куда. Мы с Валентином устроились на берегу Кондурчи. Река здесь делала поворот и образовала глубокую заводь. На тихой воде корабliками кружились сухие листья клёна.

Валентин рисовал очередной портрет и читал мне лекцию о современной поэзии.

– Евтушенко ремесленник высшего класса, мастер. Каждое слово отшлифовано и притёрто на место, ритм чёткий,

рифмы точные. А Вознесенский художник, пишет размашисто, сочно.

– И непонятно.

– Голову тренировать надо, воображение развивать, слух музыкальный.

– А слух зачем?

– Поэзия – та же музыка, только словами.

Мимо прошла стайка девушек во главе с крашенной.

– Привет, мальчики. Как водичка?

– Мокрая.

Они спустились к реке, помочили ладошки и уселись на тёплый песок. Одна блондинка бродила в воде по колёно.

– Ой, как здорово. Давайте искупаемся.

Все засмеялись.

– Мы купальники дома забыли.

– А мы нагишом. И бельё сухим останется.

Девушки засмутились, зашушукались, поглядывая то на нас, то на крашеную.

– Неужели разденется?

– Даже не сомневайся, – заверил Валентин.

Блондинка помахала нам ручкой.

– Валя, ты меня обнажённую нарисуешь?

– Обязательно.

Она стащила платье через голову, освободилась от лифчика и, сдёрнув трусики, вошла в затон. Ещё одна девушка разделась и присоединилась к ней. Валентин убрал каранда-

ши и стал расстёгивать рубашку.

– Ты одурел?

– Сам дурак, – огрызнулся Валентин, и бомбой плюхнулся в заводь. Через две минуты купались все. Один я сидел на берегу. Как дурак.

ГЛАГОЛ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ (ТЕПЕРЬ ТОЧНО ОКОНЧАНИЕ)

Надя пришла сама за день до отъезда. Рассеянным взглядом обвела комнату.

– Чем занимаешься?

Я показал ей томик Бунина, который открывал каждый вечер наугад и не прочитал ни одной строчки. Он служил мне защитным экраном от назойливых соседей.

– Пошли, погуляем.

– Пошли – глагол...

– Знаю. Но когда я приглашаю, то это глагол нашего времени.

Она взяла меня под руку, и мы вышли на улицу. Луна светила так же ярко, но поубавилась.

Миновали притихшую деревню, и вышли к реке.

– А ты почему не купался? – неожиданно спросила Надя.

– Откуда знаешь? Тебя же не было?

– Оля рассказывала. Ну, светленькая, вы её крашенной зовёте.

– Неловко как-то. Все раздетые.

– Цыганёнок маленький.

Она повернулась ко мне, потрепала за волосы, обвила шею руками и, привстав на цыпочки, поцеловала. На этот раз я вырваться не стал.

Мы долго бродили по берегу, хохотали, целовались, бегали наперегонки, опять целовались. Я носил её на руках, и счастью моему не было предела. У воды стало прохладно, и мы отступили ближе к домам. Наткнулись на заброшенный сад. Одинокое деревья возникали перед нами, как покинутые корабли в океане. Пахло яблоками, перестоявшей травой и прошедшим летом. Я ухватил толстенный сук и потрянул его изо всех сил. На землю со стуком посыпались созревшие плоды. Надя тут же собрала их в подол куртки. Уселись у ствола и принялись грызть яблоки.

Яблок было много, но мы кусали от одного, захлёбываясь соком и давясь от жадности.

– Как классно. Давай здесь жить останемся.

– Ага. Домик построим, курей заведём.

Надя треснула меня кулачком по спине.

– Нет уж. Кур сам заводи.

Она обхватила коленки руками.

– Не охота в избу возвращаться. Может, под яблонькой переночуем?

– А утром два остывших молодых тела найдёт деревенский пастушок.

– У меня одеяло тёплое есть.

– У меня спальник и войлочный коврик, – протянул я неуверенно. Она шутит?

– Спальник польский?

– Нет, наш, советский.

– Годится.

Она решительно встала.

– Пошли.

– Пошли – глагол, – затянул я своё, но она прикрыла мне рот ладошкой.

– Помолчи, пока я не передумала.

В дом я заходить не стал. Потянул створку окна, и она открылась. Перегнувшись через подоконник достал спальник и коврик. Прихватил подушку с пустующей постели. В большой семье зевать не положено. Надя уже ждала с двумя одеялами в охапке.

– У Оли второе стырила. Они с Валентином и под одним не замёрзнут.

Под яблоней разобрались со всей кучей барахла. Надя сняла джинсы и кофточку и юркнула под одеяло.

– Ой, как холодно. Иди скорее ко мне.

Я закрыл глаза и бултыхнулся, как в омут.

Утром нас разбудил не деревенский пастушок, а Валентин.

– Вы домой собираетесь ехать? Автобусы уже ждут.

– Так рано? – Надя капризно надула губки.

– Как заказывали, – Валентин пожал плечами.

В автобусе Надя не выпускала мою руку из своей, но на площади

отстранилась, сделалась серьёзной. Провела ладошкой по моим кудрям.

– Прости меня, цыганёнок маленький,

– За что, Наденька? Как найти тебя?

– Не надо меня искать. Я замужем. Вот разберусь с собой и пришлю тебе весточку.

Все уже разошлись по домам, а я ещё долго стоял один посреди города.

Весточка пришла через пять лет, когда я дослуживал "за речкой" свой первый сверхсрок.

Читал и улыбался.

"Цыганёнок мой маленький" ...

За голову "цыганёнка" духи обещали конкретные деньги. Только никто их не получит.

НА ДУШЕ У НАС ТРЕВОГА

На душе у нас тревога:

Хулиганов стало много,

Хулиганы не дают спокойно жить!..

То в окошко камень кинут,

Из кармана ножик вынут.

Брат сказал, – Пойдём в милицию служить!

Я, Колька и Женька сидим на полу в коридоре обще-

жития

и дурными голосами распеваем дурацкую песенку. При-
чина

нашего внеурочного веселья – белые северные ночи.
Солнце,

прокатившись по кругу, спряталось за ёлки, но темноты
нет

и в помине. Солдатские одеяла, которыми мы занавешиваем окна,

не помогают. Свет просачивается во все щели и гонит сон.
На волейбольной площадке "румыны" из Кишенёва пытаются

обмануть природу, изнуряя себя кожаным мячом. Наше
хоровое

пение носит элемент риска. Дверь, под которой мы рас-
положились,

ведёт в комнату Сергея, мастера спорта по-существу и
сержанта

милиции по факту. До нас доносится его недовольный голос.

– Пацаны. Идите на фиг!

В голосе слышится явное нежелание вставать, и это придаёт нам отваги:

Прихожу я раз к Наташе

В милицейской форме нашей...

Сергей появляется неожиданно и хватает меня за шиворот. Вскокиваю,

ныряю ему под руку, пытаюсь вывернуться, но не тут-то было. Делаю

рывок в сторону, Сергей переносит вес на одну ногу, и я мгновенно

подсекаю. Он валится на пол и увлекает меня. Мои не полных семьдесят

не пляшут против его девяносто. Через секунду он прижимает мою морду

к линолеуму и тянет руку на "болячку". Отчаянно колочу по полу

свободной рукой.

– Сергей, прости засранца. Больше не буду!

Поднимаемся. Колька и Женька хохочут в конце коридора, готовые

мигом вылететь на улицу. Отряхиваю пыль с одежды, а Сергей задумчиво

размазывает грязь по голому телу. Усмирять нас он выскочил в трусах.

Берём "шильно-мыльные" принадлежности и бредём в душ. Какой

теперь к чёрту сон.

После вынужденного купания идём к Сергею. Он срывает с окна тёмное покрывало и выключает ненужную лампочку, выставляет на стол все

запасы: трёхлитровую банку с компотом, овсяное печенье и конфеты. Достает из холодильника варёное мясо в фольге. Я отрицательно мотаю

головой, и он обречённо вздыхает.

– Дурацкий вес. Жру сутками напролёт, и всё девяносто один. Абрамыч

требует ещё килограмм шесть набрать.

– Когда соревнования?

– Через неделю в Киров едем.

Сергею уже двадцать один, он на два года старше меня.

Мечтает отобраться на первенство Союза и стать призёром.

Это позволит ему просить перевода в центр.

– Доконает меня север. Зимой спать хочется, потому что ночь, а летом

не высыпаюсь – день бесконечный.

В Сосногорск он попал по распределению, после техникума. Чтобы не

загрянуть в армию, вступил в "Динамо" и теперь раскаивается.

– Отслужил бы в спортроте два года и свободен, как ветер.

Сергей детдомовец и после службы мог ехать куда угодно.

Я сходил на кухню и налил из чьего-то чайника тёплой воды. От сладкого

меня слегка подташнивало.

– Тебе сегодня на работу? – спросил Сергей, когда я вернулся.

– До понедельника в Печоре в командировке. Секретарша за коробку конфет подмахнула пять дней лишних.

– Вечером в зал приходи. Поработаем над проходом в но-

ги.

Сергей считал, что ему не хватает скорости и брал меня на тренировки,

как более быстрого. А по-моему, ему не хватает спортивной злости. Он и на

ковре такой добрый, как в жизни. На соревнованиях в Ухте отпустил соперника с удушающего приёма, пожалел. Его тренер, Абрамыч, не возражал против моего участия в спарринге. Он ещё надеялся прибрать меня к рукам.

– Через полгода кандидатом в мастера станешь – заверял тренер.

Но я уже был кандидатом, и мне не понравилось.

Разбудило меня солнце. Одеяло висело на одном гвозде, и оно нахально

вкатилось в комнату. Как ушли на работу Колька с Женькой я не слышал.

Часы показывали одиннадцать дня. Решил не заморачиваться с обедом, и

пошел в столовую.

В пустом зале у окна сидел "кадровик" Игорь, молодой

двадцатипятилетний парень. Он закончил ЛИСИ и распределился на родину.

Мама, секретарь райкома, без труда устроила его начальником отдела кадров

в ПМС.

Взяв на раздаче плов с олениной и чай, направился прямо к нему.

– Кадры решают всё,— провозгласил я вместо приветствия.

– Ты почему не на работе, кадр?

– В командировке в Печоре до понедельника.

– Доиграешься. Начальник когда-нибудь тебя заловит.

– И что, уволит "незаменимого"?

"Незаменимым" назвал меня сам начальник на собрании, посвящённом

первомайским праздникам. На участке тут же забыли моё имя.

– Незаменимый, дуй в правление..., незаменимый, со станции звонили...

Игорь засмеялся.

– Выгнать не выгонит, а мораль прочитает. Часа на два.

"Незаменимым" я стал с его лёгкой руки. Месяца за три

до моего появления в ПМС у "дедов", занимавшихся отправлением

отремонтированной техники по железной дороге от Ярославля до Воркуты, умер бригадир. На освободившуюся должность перепробовали всех "резервистов", но они сбегали при первой возможности. Когда я пришёл в отдел кадров, Игорь долго расспрашивал меня: кто я, откуда, зачем приехал. Очень обрадовался, что неделю назад мне исполнилось восемнадцать. То что мой стаж равнялся четырём месяцам (я пошёл работать после десятого класса), его не смутило. Меня тем более – моё легкомыслие не знало границ.

Несколько дней Игорь водил меня за ручку, всё разъяснял и растолковывал. Одно я понял основательно. Не надо корчить

из себя начальника, не надо лезть к "дедам" с глупостями и учить их. Моё дело бумажки – акты сдачи-приёмки, транспортные накладные и командировочные. Постепенно и в бригаде я притёрся. В управлении облегчённо вздохнули.

К Игорю у меня был шкурный интерес. В районной газете я тиснул стишки и имел беседу с редактором. Он уныло поведал мне, что в поэзии ничего не смыслит, но стихам рад, так как с народным творчеством у них не ладится. Но и я должен порадовать для общего дела. Почему бы не написать очерк о хорошем человеке, знатном труженике и надёжном

товарище? Герои среди нас.

– Про кого решил писать? – поинтересовался Игорь.

– Не знаю. Может, ты посоветуешь? В вашем отделе про всех известно.

– Что нам известно, тебе знать не положено.

Мы отнесли посуду на мойку, и вышли на крыльцо. Игорь закурил, а мне сунул огромный апельсин.

– Ешь, заряжай мозги витаминами.

Обед только начинался, и мы завернули в скверик.

– Сколько человек работает у вас в мастерской?

– Человек сорок, может меньше, – заколебался я.

– Двадцать восемь. И двадцать пять из них сидели, и только шесть человек из них уголовники.

Я офигел. На участке работали обыкновенные люди, даже матерились редко, не то что "по фене ботать".

– Ну, так сколько времени прошло. Работают хорошо, даже отлично. А в редакции кто их знает.

– Из редакции мне позвонят. Или им позвонят. Не все сидели, кто-то и охранял.

Мы устроились на скамейке.

– У тебя в бригаде Фарфура Василий Яковлевич числится. Что он за человек?

– Отличный мужик. Живой, как ртуть. За ним не угонишься.

– А за что сидел, знаешь?

– Они не говорят об этом. Только про свои железки да про

охоту.

– В сорок седьмом его приговорили к расстрелу за убийство почтальона. Попал под указ об отмене смертной казни, заменили на двадцать пять лет лагерей. А ещё через пять лет нашли настоящих убийц. Его оправдали, но он остался вольнонаёмным. К юбилею Октября пришла разнарядка на орден "Знак почёта" для лучшего рабочего. Его представили, но наверху не утвердили. Вдруг затаил обиду на советскую власть?

– Про кого тогда писать?

– Напиши про себя. Только не забудь добавить, что глупый, как телёнок.

На вахте тётя Поля оторвалась от вязания и строго посмотрела поверх очков.

– Друг твой патлатый из Каджерома приехал, я ему ключи дала, но предупреждаю, устроит бузу или драку организует, выгоню и больше не пущу.

Вовка сидел на кровати по-турецки и сосредоточенно мучил женькину гитару. Включенный на всю громкость магнитофон ему не мешал. Почему людей, начисто лишённых слуха, так привлекают музыкальные инструменты?

– Привет, Рыжий. С визитом вежливости к нам?

– Здорово, Санёк. Решил посмотреть, что в мире творится. В нашей глуши даже волки от скуки передохли.

– Мишаня с Валентином где?

– Шпалы грузят, стахановцы.

– Вы не передрались случайно?

– Пока нет, но дурное дело не хитрое.

Он достал из-под койки откупоренную бутылку "портвейна", поставил на стол. Я вынул из ящика под окном консервы, банку тушёнки и полбулки подсохшего хлеба. Погремел посудой в шкафу, разыскал сковородку и большую луковицу.

– Не суетись,– остановил меня Рыжий.– Присаживайся, покалякаем.

Он вспорол банки ножом, налил полный стакан вина и выпил, запрокинув голову. Зачерпнул ложкой кусок облепленного жиром мяса, закусил. На бледном лице выступил пот и перемешался с веснушками. Я, от нечего делать, крошил на клеёнку корку хлеба. Наконец Вовка блаженно откинулся на спинку стула и закурил.

– Ты рассказывал, что у тебя друг на Камчатке рыбу ловит?

– Какой он мне друг? – я пытался понять, куда Рыжий клонит.– Мать его в соседней квартире живёт. Он в армию ушёл, когда я в первый класс ходил.

– Ну, знакомый. Помоги с ним связаться, хотим с парнями море посмотреть.

– Вас там не хватает. На тайгу уже насмотрелись?

Эти трое – Вовка, Мишаня и Валентин – не знали покоя сами и другим скучать не давали. Покинув прошлым летом

Москву с геологами, они, по окончании сезона, прибились к нефтяникам, а весной объявились у нас в мастерских. Понаблюдав за их кипучей деятельностью пару недель, механик благоразумно отправил их на дальний участок. Я пробовал вступиться, но Семён Петрович был непреклонен.

– Им только польза будет. Охолонут слегка.

Я знал, что отцепиться от Вовки не удастся, но тянул время.

– Адрес узнать просто. Домой позвоню и всё. Но он на плавбазе мотористом работает, в порт приходят раз в год на ремонт, рыбу в Канаду и в Японию сдают.

Глаза Рыжего вспыхнули огнём. Про Канаду я зря сказал.

– Кому сидим? Пошли на переговорный.

Я нехотя поднялся.

Всё сложилось, как нельзя лучше. Оказалось, что сосед уже месяц обмывает отпуск. Сестра пригласила его к телефону, и я, поздоровавшись, передал трубку Рыжему. Болтали они долго, дважды телефонистка продлевала время. Выскочил Вовка из будки сияя, как новый гривенник.

По дороге он без умолку трещал о будущих приключениях в океане.

– Напишем письмо заказное в пароходство с копией трудовой и паспорта. Геннадий тоже с ними свяжется, у него кореша в правлении. Они сделают нам вызов. Главное, я с Мишаней за границей служил и с устройством на базу про-

блем не будет. Валентин, правда, "белобилетник", но там выкрутимся.

– На базе проблемы возникнут после вашего устройства. Чего доброго, утопите пароход. Людей жалко.

Остановились у афиши и, не стовариваясь, глянули на часы. Успеем. Сеанс уже начался, но касса была открыта. У входа в зал нас остановила контролёр.

– Подождите пять минут. Журнал идёт.

Мы остались в просторном фойе.

На низкой сцене три нимфы разыгрывали известный только им спектакль. Одна, в дорогой беличьей шубке, лежала на полу, свернувшись калачиком; другая сидела на краю и болтала ногами; третья, облокотившись на закрытое пианино, рассматривала потолок. Вовка жаждал общения.

– Девушки. Пойдёмте с нами в кино.

– У нас денег на билет нет, – лениво отозвалась "лежачая", не открывая глаз.

– У нас есть, не вопрос.

Красавицы слегка ободрились и потянулись к нам. Рыжий метнулся к кассе.

– Света, – девушка в шубке жеманно протянула мне руку ладошкой вниз.

– Федя, – изобразил я почтение и коснулся пальцами её руки. В таких случаях имя Федя мне казалось уместным.

– Оля, – слегка присела вторая. Я слегка ей поклонился. Третья представляться не стала. Она встала в сторонке и изу-

чала паркет.

Подошёл Вовка с билетами.

– Ну что, идём?

– Скучно. Нам бы выпить, – капризно надулась леди в шубке.

Мы слегка опешили. Стоявшая в сторонке "неизвестная" выхватила у Рыжего билеты и ускользнула в зрительный зал. Рыжий, в предвкушении приключений, подхватил оставшихся и направился к выходу. Я поплёлся за ними.

Около магазина разделились: Вовка с Олей зашли внутрь, а я и Света остались ждать в скверике.

– Сигаретой угости, – обернулась ко мне девушка.

– Не курю.

– Спортсмен?

– Мама не велит.

Она прислонилась к берёзке, отломил веточку и обмахивалась, отгоняя комаров. Я невольно залюбовался ладной фигуркой. Короткая шубка только подчеркивала красоту ног, волосы белой пеной осыпали плечи, но в осунувшемся лице и синих глазах чувствовалась лёгкая усталость, будто она провела бессонную ночь. Возможно, так и было.

– Нравлюсь? – спросила девушка без тени кокетства.

Я чуть не сознался, но ответил на вопрос вопросом.

– Не жарко меха в июне носить?

– Ничуть.

Света подошла ко мне вплотную и приоткрыла полы шуб-

ки. У меня перехватило дыхание: атласная кожа, высокая грудь, увенчанная розовыми сосками, плоский живот, перехваченный внизу узкой резинкой колготок. С трудом отвёл взгляд и спросил, стараясь скрыть волнение.

– Надеть нечего?

Довольная произведённым эффектом, девушка улыбнулась.

– Муж одежду спрятал. Боится, к любовнику убегу.

В общежитие проникли без труда. Увидев меня в такой компании, тётя Поля обиженно поджала губы и отвернулась. Свалили на койку свёртки, банки, бутылки, и Рыжий с Ольгой занялись столом. Света безучастно смотрела на все приготовления.

Я открыл платяной шкаф и снял с вешалки плечики с чистыми рубашками. Подозвал девушку.

– Выбери любую. Запаришься в шкурах.

Она посмотрела удивлённо, но спорить не стала. Я прикрыл её дверкой и честно отвернулся. Голубая рубашка по длине не уступала шубке. Рукава

Света закатала, но верхние пуговицы не застегнула, и приходилось сдерживаться от соблазна заглянуть в импровизированное декольте.

– Санёк! Хватит по углам щемиться, садитесь за стол.

Света толкнула меня в бок кулачком.

– Попался, Федя. Сдал тебя дружок.

Рыжий разлил по стопкам коньяк и предложил выпить за знакомство. Возражений не последовало. Я взял апельсин, очистил и положил сладко-кислые дольки девчонкам. Разлили по второй. Ольга заметила полную рюмку.

– Почему не пьёшь? Больной что ли?

– Спортом занимаюсь.

– Ему мама не велит, – пояснила Света.

Лицо её порозовело, а глаза повеселели. Рыжий включил магнитофон, но потанцевать не получилось. Света наотрез отказалась, а Оля или не умела или не хотела. Она повисла у меня на шее, и приходилось переносить её с места на место, как куль с картошкой.

В разгар застолья вернулись с работы Колька и Женька.

– Пацаны. Давайте к нам. Гулять будем, – пьяно заорал Вовка.

Колька категорически замахал руками, а Женька присел к столу. Он пожал руку Рыжему, кивнул Оле и заулыбался Свете.

– Василисушка, красавица, каким ветром к нам занесло?

– В гости зашла, а вас дома нет.

– Прости, сестрица. Арбайтен зер гут. Пятилетку в четыре года выполняем.

– А Коля не хочет с нами посидеть?

– Уезжаем к тётке дня на три. Некогда нам. В следующий раз.

Они опять выпили, посмеялись над вовкиным анекдотом.

Колька ушёл в душ. Женька тоже поднялся и направился в красный уголок отпаривать брюки. Рыжий порядком опьянел и лез обниматься к девочкам. Те весело отбивались. Я выскользнул из комнаты.

– Женёк. Почему ты Свету зовёшь Василисой, – пристал я к Женьке.

– Макееву? Её все так зовут.

– Почему?

– Премудрая. Школу с золотой медалью окончила, в МГУ поступила.

– И что?

– А ничего. Папаша её, полковник замурзанный, приехал в гости, посмотрел на студенточек московских и забрал домой. Девкам, говорит, грамота не нужна. Им муж нужен солидный.

– Солидный муж у неё одежду прячет.

Женька отставил в сторону утюг.

– Опять голая убежала? То-то я смотрю, она в твоей рубашке щеголяет.

Не замужем она. Насвистела, чтобы не приставали особо. Папа её запирает

и одежду прячет, а она убегает.

В комнату заглянул Сергей, обрадовался, увидев меня.

– Вот ты где. На тренировку придёшь?

– Через часок, Серый, подтянись. С Абрамычем пока пошурши.

Женёк выключил утюг, свернул аккуратно брюки и повернулся ко мне.

– Если вы думаете Василису в постель уложить – обломаетесь, не тот случай. Вам и Оли хватит, если разведёте пожиже.

– Куда же она теперь?

– Отведи к Лидке Артеевой, пусть переночует. А завтра проводи в Ухту. Там у неё подруга в гостинице работает, спрячет на недельку.

В спортзале Сергей изрядно повозил меня по ковру. Все мои проходы он пресекал, наваливаясь сверху.

– Голову включай, Саня, голову. Не спи на ходу, – волновался Абрамыч.

Но голова не включалась. В конце концов я врезался Сергею в колено и расквасил нос. Тренер обречённо махнул рукой.

– Ступайте с глаз моих, недотёпы.

Вернулись в общежитие. Тётя Поля сделала знак задержаться и зашептала горячо.

– Василису ночевать не оставляй. Не дай Бог, явится отец, он нам такой разгон устроит.

– Вы знаете её отца?

– Кто этого ирода не знает? Столько лет нас в лагерях

охранял, а теперь и на воле от него покоя нет. Вертухаем был и помрёт вертухаем.

Вовка спал на моей койке, зарывшись лицом в подушку. В ногах у него, свернувшись калачиком, тихо посапывала Оля. Света сидела у окна и вертела настройку "Океана".

– Вражеские голоса слушаешь?

– Какие голоса. Хрип один.

Она прошлась по комнате, остановилась у стола. Взяла полупустую бутылку, покачала в руке и поставила на место.

– Водку ты не пьёшь, спать не укладываешь, что делать будем?

Она старалась говорить равнодушно, но в голосе чувствовалось напряжение. Вдруг захотелось обнять её, погладить по волосам, успокоить. Я слегка разозлился и спросил грубо.

– С Лидкой Артеевой не подруги случайно?

– Здесь половина населения Артеевы, а вторая – Пастуховы.

– Ладно. На месте разберёмся. Бери свою шубейку, и пойдём.

– Рубашку снимать?

Она взялась за пуговицы. Я чуть не убил её. Вот зараза, нашла пацана.

– Оставь. Считай, подарок.

На улице "румыны" сосредоточенно лупили мяч. Света остановилась, не зная куда идти. Я взял её под руку и повёл по аллее к реке.

– Тоже мне, кавалер. Даму не хватают в охапку, а предлагают ей руку.

– Поучи меня галантности, леди захолустная, – пробурчал я, но руку отпустил.

Она впервые посмотрела на меня с интересом.

– Не сердись. Я так просто.

Артеевы жили у самого берега. Лидкин отец, Иван Егорович, сидел на крыльце и чинил какие-то рыбацкие снасти.

– Лида дома?

– Дома, телик смотрит. Проходите, – он слегка подвинулся.

Лидка и Света оказались знакомыми. Они о чём-то пошушукались, и хозяйка вышла из избы, наверное, спросить разрешение у отца. Света тронула меня за плечо.

– Спасибо за помощь.

– Женька говорил, подруга у тебя в Ухте. Просил проводить завтра.

– Хорошо. Рано не приходи, дай выспаться. Воркутинский после обеда идёт, на нём и поедем.

Вошла Лидка.

– Свет, я баню протапливала, ещё тёплая. Пойдёшь?

– С удовольствием.

Я испугался, что она при мне начнёт раздеваться, и выскочил на улицу. Лидкин отец всё ещё сидел на ступеньках и вязал свои узлы.

– Огоньку не найдётся?

Я похлопал себя по карманам.

– Не курю.

– Ну и правильно. От табака только кашель и вонь.

Он достал из штанов спички и прикурил беломорину.

– Поговорить не с кем, – догадался я и присел на ступеньку

рядом.

– На рыбалку собираетесь?

– На неё самую. Только где рыбы взять? Всю реку загадили. Три завода на километр течения. В лютый мороз вода не замерзает.

Машинально глянули в сторону сажевого завода. Из четырёх труб клубами валил чёрный дым. Стоящий рядом факел подсвечивал его красным светом. Картинка апокалипсическая.

– Вот такая у нас теперь рыбалка. Старики рассказывали, сёмга на нерест шла – весло не воткнёшь.

На крыльцо вышли Света и Лидка с шайками и полотенцами.

– Ты ещё здесь? Не проспай завтра.

– Вас разбуду, сони.

Девчонки, посмеиваясь, прошли мимо.

– Это чью дивчину ты привёл к нам ночевать?

Я смущённо заёрзал.

– Познакомились случайно. Зовут Света, а фамилия, вроде, Макеева.

Отец присвистнул.

– Вот оно что. А я гадаю: на кого похожая? Вылитая мать. Он собрал своё рукоделие и поднялся.

– Пойдём к лодкам, там покурим. Не будем девкам мешать.

На берегу он открыл крохотную будочку, сложил в неё снасти, достал

таганок и чайник. Спать он, видимо, не собирался. Мне тоже не улыбалось

маяться в общежитии одному. Развели костерок. Когда чайник закипел, Иван Егорович высыпал в него большую пачку заварки и, дав настояться, разлил чёрный, как нефть, напиток в жестяные кружки. С непривычки я обжёг губы. От горечи язык стал шершавым и в горле запершило. Иван Егорович сокрушённо заметил:

– Не выйдет из тебя путного бродяги. Для бродяги чифирок слаще мёда.

– А я и не собираюсь быть бродягой!

– Не зарекайся. Судьба баба капризная, неизвестно каким боком повернётся.

– Судьбы нет. Человек должен сам строить своё счастье.

– Ну да, ну да. Сам должен. Человек рождается весь в долгах. Должен Богу, должен родителям, должен государству. Бог до смерти о тебе не вспомнит, мать простит, а вот госу-

дарство долг потребует вернуть. Оно тебя и построит.

Он сделал мелкий глоток и прикурил от уголька очередную папиросину.

Северное небо продолжало свою непонятную игру: то ли поздний вечер, то ли раннее утро. Тишину нарушал треск сосновых веток в костерке.

– Мы прибыли сюда в тридцать втором, летом. Спецпереселенцы с Украины, раскулаченные. Мне ещё и пяти не было. Ехали на подводах, на поезде, плыли на пароходе и баржах. В пути умерла младшая сестрёнка. Её даже похоронить не дали. Забрали на станции и унесли куда-то.

Жили в землянках у Ижмы, где сейчас мастерские. Старших гоняли на лесоповал, а мы сидели в норах и боялись нос высунуть. Зверьё бродило, как вороны по помойкам. В первую зиму умерли от голода оба старших брата. Мама пошла в лес за дровами и замёрзла в сугробе. Может из сил выбилась, а может устала за жизнь цепляться.

Позже стали строить бараки, обтягивать их колючей проволокой. Мужчин и женщин разделили. Нас, горсть уцелевших ребят, оставили с женщинами. Топили печи, таскали воду с реки, ухаживали

за больными. Когда началась война, отцу удалось каким-то образом записаться добровольцем. Брали только уголовников и бытовиков. Завидовали им по-чёрному. Они ушли и как в воду канули. Видно, отдали свой долг сполна.

Вскоре меня перевели к мужчинам и, как положено, впаляли срок. Дальше топтал зону на законных основаниях.

Я сидел на обрубке сосны и прихлёбывал из кружки остывший чай. Он уже не казался таким горьким. Разум отказывался верить услышанному, но это была правда. Мастерские, в которых я работал, обнесены колючей проволокой. Столбы покосились, вышки сломали, но дух зоны сохранился до сих пор. Старые бараки приспособили под многочисленные склады. Однажды мы с Петром Ивановичем, слесарем из бригады,

получали скобы для крепежа, и он указал на надпись, вырезанную на двухдюймовой доске. "Хрущ П. 1949г." Только тогда до меня дошло, что двухэтажные стеллажи – бывшие нары, а Пётр Иванович был обитателем того барака.

– У нас на участке Хрущ Пётр Иванович тоже сидел.

– Петька-хохол? Матёрый уголовник. За горсть сахара семь лет лагерей. Да пять по ногам и пять по рогам.

– По каким рогам?

– По обыкновенным. Пять лет без права голосовать, чтобы не забодал вождя на выборах.

Он разгрёб прутиком потухший костёр и выкатил на песок несколько картофелин. Взял одну, побросал из руки в руку, подул на неё и протянул мне.

– Угощайся. Лучшей еды на свете нет.

Я разломил хрустящую корочку и задохнулся от вкусного

горячего пара. Иван Егорович высыпал на газетку крупную соль из спичечного коробка.

– Вкуснотища. Может по одной девчатам отнести?

Он засмеялся.

– Время-то сколько? Они дрыхнут давно.

Я посмотрел на небо. Оно было безжизненно бледным.

Стрелки показывали час ночи.

– Засиделся. Вам, наверное, на работу утром?

– Я уже на работе. За лодками приглядываю.

– На пенсии?

– По здоровью. До пенсии мне ещё три года трубить.

Я удивился. Человек столько пережил, а лет ему едва за пятьдесят перевалило.

Помыли руки в речке. Мутная вода пахла бензином. Стало прохладно, но костёр больше не разводили. Иван Егорович надел телогрейку, а мне дал старый бушлат.

– Света в маму такая красивая?

– Как их сравнивать? Светка птичка вольная, следовательно не мордованная, конвоем не битая.

Он смял пустую пачку "беломора" и бросил её на кострище. Достал из кармана новую.

– Для красивой женщины лагерь хуже смерти. Всякая сволочь считает её своей добычей, каждый норовит отщипнуть сладенького. Вертухаю не откажешь, от опера не отобьёшься. Алёну, Светкину маму, пригнали с этапом по "ленинградскому делу", в пятидесятом. Хлебнула горячего полной лож-

кой. Меня уже расконвоировали, и я "вольняшкой" работал в женской зоне, электриком с понтом.

– Как это "с понтом"?

– Делал вид, что соображаю, а сам только лампочки вкручивать умел.

– И сходило?

– В подручные инженера из зэков дали, шпиона английского. Он в войну союзникам помогал разгружаться в Мурманске. Англичане его наградили, а наши за орден десятку дали. Чтобы не зазнался.

Иван Егорович неожиданно улыбнулся и покачал головой, словно заново удивляясь такой метаморфозе. Лицо его, выдубленное морозами, чуть разгладилось. Я ожидал воспоминаний в шуточной форме, но ошибся.

– Алёне повезло поначалу. Приглянулась молодому лейтенанту из охраны, Макееву. Он выхлопотал для неё освобождение от тяжёлых работ, пристроил в больничку полы мыть. Не Бог вещь что, но не кайлом на железке махать и не лес валить. И харч приличный и защита от погани разной. Но покровитель оказался сволочью редкой. Мало ему было женского тела, любви добивался. Лютовал страшно. Синяки с её лица не сходили, неделями пластом валялась после таких ласк. Куда женщине деваться? Только в петлю. Но успели верёвку обрезать, откачали. Живая осталась, но глаза потухли. словно свечку внутри задули. Когда усатый загнулся, политическим дали волю, но Алёна осталась. Может, ехать

было некуда, или разуверилась в жизни. Макеев забрал её к себе, то ли прислужницей, то ли наложницей. Когда в конце пятидесятых взяли за моральный облик офицеров, оформили брак. Последний раз я видел её в роддоме. Светка и Лидка родились в одно время. Может и отогрелась бы Алёна рядом с ребёнком, но не дал Бог счастья. Умерла при родах.

– А Вы почему не уехали?

– Куда? Я даже дома своего не помню. Только черешню за окном.

В общежитие вернулся часов в шесть. На крыльце столкнулся с Сергеем.

– Тебе что не спится? На тренировке опять дремать будешь.

– В этом сумасшедшем доме выспишься. Ночью "полкан" отставной приходил, дочь искал.

– Макеев?

– А кто же ещё, Всю общагу обшарил, под каждую койку заглянул. Хорошо, тётя Поля его отправила.

Я испугался. Сергей посмотрел на меня подозрительно, усмехнулся.

– Не бойсь. Тётя Поля знает, куда недоумков отправлять.

– Рыжий не барагузил?

– А как без него? Рвался морду вояке набить, да я притормозил малость. Была нужда за это дерьмо в тюрьме сидеть. У тебя какие планы на сегодня?

– Вздремну пару часиков, а днём в Ухту поеду.

– К себе не ходи, там Рыжий со своей принцессой отдыхает. Ключи от моей комнаты на вахте. Я по лесу побегаю и часов в одиннадцать тебя разбуджу. Годится?

Глаза мои слипались, и я только мотнул головой.

Сергей, как и обещал, разбудил меня ровно в одиннадцать. Он уже принял душ и выглядел посвежевшим.

– Умывайся и садись завтракать. Я яичницу с салом пожарил.

– Ешь её сам, а мне сделай бутерброды с сыром. И чаю.

– А устриц подать не прикажите?

Я побрёл в свою комнату за полотенцем и зубной щёткой. Рыжий и Оля спали, обнявшись, в чём мать родила. Байковое одеяло в казённом пододеяльнике валялось на полу. Хоть бы дверь на шпингалет закрыли, бесстыжие!

В Ухту пробирались по-партизански. Света вырядилась в Лидкины джинсы, надела пёструю кофточку, повязала голову платком, как колхозницы на старых киноафишах.

– У отца знаешь сколько стучачей кругом? Позвонят по телефону, и он нас на вокзале встретит.

– Ехать-то сорок минут.

– Он на своём "козлике" любой поезд обгонит.

Мне стало смешно.

– Усы и бороду приклей, надёжней будет.

– Приклеила бы, да куда это добро девать?

Она похлопала себя по бёдрам и прижала ладони к груди. Совсем меня не стеснялась, словно я братишка младший или чурбан какой. Лидка озорно

подмигнула.

– Не горюй. Нас ещё полюбят.

Билеты брать не стали. Сунули трёшку проводнице и проскользнули в вагон.

– Где твою подругу искать?

– Её искать не надо. Она работает в гостинице "Тиман"

– А папа?

– Он туда не сунется. Там другие полковники командуют.

Я повеселел. С гостиницей "Тиман" меня связывали самые тёплые отношения.

– Что разулыбался? Анекдот вспомнил?

Действительно, анекдот. На Север я приехал, как последний фраер. Захотелось перемены мест, взял билет до Воркуты и сел в поезд. Умные попутчики объяснили, что лучше пилить сосну в тайге, чем рубить уголь в тундре. Так шестого декабря, ночью я оказался на вокзале в Ухте. Темно, холодно, страшно. Добрейшей души таксист всего за десятку отвёз в гостиницу "Тиман".

Миловидная женщина печально спросила, согласен ли я жить в "люксе"? Я согласился, лишь бы не выгнали на мороз. Заплатил за неделю вперёд, а утром узнал, что шестиэтажная гостиница практически пустая. Зато семь дней пожил в

комфорте.

Света сочувствия не выразила.

– По-божески обошлись. У них есть номера дороже.

До места добрались без приключений, но там нас ждал сюрприз. Подруга отпросилась и на работу обещала явиться часов в девять вечера. Вариантов убить время всего два – нарезать круги по улицам или сидеть до посинения в кино-театре.

– Сань. Я есть хочу. Здесь недалеко хорошую столовую знаю. Пойдём?

– Лидка покормить не могла?

– Она звала завтракать, да я постеснялась.

Удивительный народ женщины. Мне голую грудь демонстрировать не стеснялась, а за стол сесть стесняется.

– В левом крыле ресторан. Можно пообедать не спеша.

– Дорого.

– Не дороже денег.

– Я одета, как уборщица. Тебе стыдно будет со мной за одним столиком сидеть.

– О, господи. Зачем шубу у Лидки оставила? Вошла бы королевой.

Неизвестно сколько бы мы препирались, но меня окликнули.

– Александр, какими судьбами? Звонил в вашу контору, сказали, что ты в командировке.

Вот так встреча! Владимир Германович, летучий голлан-

дец – появляется неизвестно откуда, и исчезает неизвестно куда. Всё железнодорожное начальство тянулось перед ним в струнку. Мне он говорил, что служит у министра на побегушках, Игорь-кадровик

закатывал глаза и поднимал указательный палец вверх.

– Здравствуйте, Владимир Германович. Нас в Печору на десять дней отправили, но "деды" за пять с болотником управились. Решили отдохнуть немного.

– "Деда" ваши лучшие на всей дороге!

Привыкший на ходу решать производственные вопросы, он и нашу проблему разрулил легко и просто.

– У меня на пятом двухкомнатный номер. Диван, цветной телевизор и холодильник, забитый едой. Заодно и должок тебе верну.

Была у "Летучего голландца" маленькая слабость, страсть, позволяющая переносить беспросветную скуку вечных командировок. Владимир Германович оказался заядлым шахматистом. Мы и познакомились в этой гостинице, когда он, отчаявшись найти партнёра, решал конкурсные задачки из альманаха "64".

Узнав, что я устроился в местный ПМС, он предположил, что наши встречи могут стать регулярными. И точно: раз в два-три месяца, он, пользуясь служебным положением, отыскивал меня, и мы продолжали однажды начатый "матч века". В апрельском туре высокий гость безнадежно продул

три партии и теперь горел желанием отыгратся.

В холодильнике Владимира Германовича нашлось всё, чтобы утолить голод неприкаянных путешественников. Хлебосольный хозяин разогрел на пиратской плитке суп в маленькой кастрюльке, перелил его в единственную глубокую тарелку и предложил Свете. Она не стала капризничать и с удовольствием принялась за еду. Мы отдали должное многочисленным сортам колбасы и сыра и прочим вкусностям. Особенно порадовала копчёная сёмга с капельками прозрачного жира.

– А говорят, на севере не стало хорошей рыбы.

– Неиссякаемы недра спецраспределителей, – успокоил меня старший товарищ.

После импровизированного обеда Света пощёлкала кнопками телика, забралась с ногами на диванчик и задремала под сладкий голос Карела Гота. Мы, прихватив шахматы, выскользнули из номера.

– Красивая у тебя невеста, – одобрительно заметил Владимир Германович, расставляя фигуры и закуривая тонкую сигарету с золотым ободком.

– Увы, – вздохнул я. – Только знакомая.

– Не теряй надежды, – посоветовал он и двинул королевскую пешку.

Как я не старался, но сосредоточиться на игре не мог. Уже из дебюта вышел с большим отставанием в развитии, а ещё через несколько ходов позиция чёрных повалилась карточ-

ным домиком. Владимир Германович хоть и называл себя пижоном, но победа над слабым не приносила ему радости.

Он убрал доску на подоконник, а на её место поставил тяжёлую хрустальную пепельницу.

– Давай просто поболтаем.

Такие моменты тоже были важной частью наших встреч. Мой визави, обладая чудесным даром рассказчика, умел слушать, как никто другой. И не давил меня богатым жизненным опытом.

– Девушка из головы не идёт? – спросил он почти утвердительно.

– Не идёт.

Когда я задумываюсь, мне надо чем-то занять руки. Потянулся к столу.

Владимир Германович предусмотрительно убрал сигареты и подsunул зажигалку. Повертев её у носа и вдоволь наигравшись, я вернул зажигалку хозяину.

– Тут такое дело...

Владимир Германович слушал, не перебивая и не переспрашивая. Изредка поднимал бровь, и я давал дополнительные разъяснения. Рассказал всё, о чём узнал за прошедшие сутки: о Свете, о её маме, а особенно – о её папе, отставном полковнике.

– Что собираешься предпринять? – спросил он после долгой паузы.

Я только плечами пожал.

– Не знаю. Может, возьму пару ребят покрепче да встречу вояку в тихом месте. Проведу разъяснительную беседу.

– Стыдись, Александр. Что за уголовщина? И, наверняка, его встречали мужчины серьёзнее вас, малолетних мстителей.

Встречали и не раз. Иван Егорович рассказывал ночью.

– Старого служаку угрозами и уговорами не прошибёшь.

А вот приказ он исполнит не раздумывая.

– Кто ему прикажет? Он в отставке.

– Члены партии до смерти в строю.

Я с недоверием посмотрел на Владимира Германовича.

– Вы советуете жаловаться в райком?

– Прямолинейно мыслишь, Александр. Надо чтобы райком сам заинтересовался Светой. Золотые медалисты на дороге не валяются.

Света появилась, словно её позвали. Свежая, румяная. Успела, видно, умыться и даже подкраситься.

– Бросили меня одну, беззащитную, а сами у окошка покуривают.

Я стал оправдываться.

– Охраняем покой спящей красавицы. Все подходы просматриваются...

– А подъезды простреливаются, – прервала меня Света, но видно было – она не сердится.

Девушка глянула на часы, висящие над столом дежурной

по этажу.

– Нам пора. Наташка нас уже, наверное, ищет.

Она повернулась к Владимиру Германовичу.

– Спасибо Вам большое за обед, за приют, за участие.

Очень рада была с Вами познакомиться.

Владимир Германович взял руку девушки в свои ладони.

– И я очень рад, распрекрасная Светлана?..

– Михайловна, – подсказала Света.

– Светлана Михайловна, – повторил он. – Уверен, всё у вас будет хорошо.

В понедельник утром меня спровадили в командировку в Харцызск. Рассчитывал за неделю управиться, а получилось все три. Один экскаватор, отправленный в ремонт, затерялся на просторах необъятной Родины и пришлось ждать, пока его найдут. В Сосногорск вернулся в начале июля. В общезитии меня встретила несменяемая тётя Поля.

– Где, Саня, пропадал так долго?

– На Украине гостил. Вареники с вишней, сало, горилка.

Еле вырвался.

– Болтай, балабол. А тебя тут ждали.

– Кто ждал?

– Василиса приходила. Очень жалела, что не дождётся тебя.

– Почему не дождётся?

– В Москву уехала, на учёбу. Она тебе тут гостинец оставила и письмишко.

Тётя Поля протянула мне красивый полиэтиленовый пакет и запечатанный конверт.

Я подхватил свой "дежурный" чемодан и пошёл в комнату.

"Здравствуй Саня!

У меня большая радость – еду в Москву учиться. Я уже и мечтать бросила. Когда позвонили из райкома комсомола, испугалась. Думала, гнобить будут за мои похождения, а мне направление на учёбу вручили. Отец когда узнал, чуть головой потолок не проломил – во фрунт встал. Ходит теперь перед соседями хвалится. Дочь не просто едет, а по заданию комсомола. Райком ей доверяет.

Рубашку твою с собой забираю, как талисман. Мне почему-то кажется, что она удачу приносит. Я в ней была, когда из райкома позвонили. Тебе взамен дарю новую. На память. Вспоминай иногда непутёвую Василису."

Я достал из пакета рубашку. Мягкая, нарядная. Может и мне это изделие из хлопка принесёт удачу? Конечно, если Владимир Германович поколдует.

РАССКАЗЫ

ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

"И вот как-то в ночь, роковую для добродетели нашего мо-

наха, дьявол тихохонько шепнул ему на ухо, чтобы он от благ земных не отвращался, ибо каждый да черпает в неоскудеваемом лоне святой нашей матери церкви, и таковое неоскудение есть чудо, доказывающее наивернейшим образом бытие божие."

– Мам, а дьявол это чёрт?

Мама выпрямилась у корыта, поправила мокрой рукой выбившуюся из-под косынки прядь.

– Да, чёрт. По-французски дьявол, а по-нашему чёрт. Читай с выражением, не жуй слова.

Я обречённо утыкаюсь в книгу. Трудно читать с выражением, если ничего не понимаешь. Скорее бы Танька пришла из школы и сменила меня, но мама вряд ли позволит. Недавно она жаловалась отцу.

– Танюшка на три года старше, а читает хуже Серёжки... Скачет блохой по странице, пропускает половину.

– У неё язык за глазами не успевает, – смеялся папа.

Пока мама меняет воду, рассматриваю обложку. Оноре де Бальзак. Озорные рассказы. На картинке дядька в смешных белых штанах разговаривает за столом с тётенькой. Она сложила вместе ладони и выставила перед собой, как будто хочет перебить его. Интересно, что он ей рассказывает?

– Мам, а во Франции тоже партизаны есть? Они с немцами воевали?

– Куртизанками называют женщин. Вроде прислуги у богатых.

– Наша Танька не хочет быть куртизанкой. Говорит, что ей надоело за мной прислуживать.

– Одна я у вас куртизанка, – вздыхает мама и бросает в корыто ворох белья. Мыльная пена переваливается через край, шлёпается на пол, шкворчит и пузырится на крашенных досках.

Рыжий Тимоха, брезгливо поджимая лапы, пробирается ко мне и запрыгивает на колени. Глажу его по голове, и он довольно жмурится, сворачивается клубком и начинает мурлыкать.

– Хватит с котом играть, читай дальше.

С улицы в окно заглядывает Колька Дутый. Он стоит на завалинке и, сплюснув нос, корчит рожи. Мама грозит ему туго скрученной тряпкой.

– Колька, шкода. Раздавишь стекло, жопой вместо него вставлю!

Дружок нехотя слезает на землю и, засунув руки в карманы, уходит по своим делам. Завистливо вздыхаю и снова, как камни, вороचाю тяжёлые неподатливые слова.

"Кардинал, хитроумный и весьма бородатый итальянец, слывший ловким спорщиком в богословских вопросах и первым запевалой на всем Соборе, разгадал, долго не раздумывая, альфу и омегу этой истории".

– Мам, а кардинал поёт как Робертино Лоретти? А почему он с бородой? У Робертино тоже борода?

– Робертино ещё мальчик, у него нет бороды. Кардинал

обыкновенный поп, только итальянский. И поёт, наверное, по-поповски – гнусавит не пойми что.

Мама вылавливает последнюю майку, отжимает и бросает в таз. Снимает цветастый фартук и садится на лавку. Руки у неё красные от горячей воды.

– Ладно. Убери книгу на место и догоняй своего друга.

Я мигом выскакиваю из-за стола. Уже в сенях слышу.

– Не забегай далеко. Танька придёт, обедать будем.

КАК ПРИГОТОВИТЬ ЦАРСКУЮ УХУ

Идея приготовить царскую уху пришла сама собой, когда я рассказывал друзьям прочитанную книжку про волжских разбойников. Автора я не запомнил, но рецепт был так прост, что и сейчас могу поделиться.

Мы тоже считались разбойниками: всё лето жили в Жигулях, ходили ватагой и делали набеги на малинники в Ширяево. На Крестовой поляне садов не было. Здесь вообще ничего не было, кроме пионерского лагеря, в котором работали родители. Усевшись в кружок, стали разрабатывать план.

Уху необходимо варить ночью на костре. Юрка сразу занял:

– Меня мамка не пустит.

– Ну и сиди дома.

– Вот ещё. Сбегу.

На нас уже давно махнули рукой. То ночные рыбалки, то к туристам песни слушать. Стали думать, кому что брать. Ко-

тёл, посуду, одеяла. Решили взять палатку. Палатка была у Валька, и он заартачился.

– На кой ляд? У костра не замёрзнем.

– А если дождь?

– Водка нужна. Без неё никак.

Пацаны неуверенно заёрзали.

– Пить что ли?

Я засмеялся.

– В готовую уху добавить.

Юрка поскрёб затылок.

– У мамки отолью из бутылки. Она ноги натирает.

– Вышлет тебе ремня.

– Не заметит. Отец постоянно у неё ворует.

– Завтра после ужина собираемся на нашем берегу.

Все стали подниматься.

– А рыба? – ехидно спросила Ленка, единственный наш казак в юбке.

Вот чёрт, из башки вылетело! Первым нашёлся Лёха.

– Ближе к вечеру плот на лодке перехватим. У плотогонов этого добра навалом.

Перехватывать плот мы с Лёхой пошли после полдника. Узнав, зачем нам лодка, бакенщик постучал мне согнутым указательным пальцем по лбу.

– Утонуть хотите, разины хреновы. Сарынь на кичку?

Мы понурились. Планы срывались. Надо было утром с лагерным катером в рыбсовхоз сгонять. Старик ещё раз матюк-

нул нас и подобрел.

– Приходите к закату. Тряхну снасть.

На место мы явились последними. Я тащил на верёвочном кукане штук пять стерлядок, а Лёха – здоровенного сазана. Банда дружно взялась за работу.

Через пять минут пылал костёр, стояла палатка, из родника принесли воду в котле. В две удочки надёргали мелочи, на большом камне устроили разделочный стол.

Первой в кипящую солёную воду опустили мелочь, завязанную в марлю. Часов ни у кого не было, и пять минут отсчитали на глазок. Длинной деревянной ложкой выбросили раскисшую тряпку и положили в котел куски сазана.

Варили дольше и выложили на чистые листья лопуха. Когда сварилась стерлядь, мы сняли котёл с огня, и я вылил в него четвертинку краденой водки.

Ленка через моё плечо высыпала в уху что-то из ладошки. Я возмутился:

– Что ты туда бросила?

– Укроп и перец-горошек.

– Казаки и разбойники не клали укроп.

– Не было у них, вот и не клали.

Она отняла у меня поварёшку, помешала уху и попробовала, чуть подув. Зажмурилась от удовольствия.

– Ум отъешь! Давайте чашки.

Тёплого жирного сазана прихлёбывали огненной ухой, стерлядь таяла во рту.

Один Валёк ворчал:

– С картошкой бы!

Но от добавки не отказался. Вскоре все осоловели. Водка ли подействовали, или воздух Жигулей пьянил. Пацаны полезли в палатку. Я свернул одеяло вдвое и пристроился у костра. Ленка прибралась и легла напротив.

– Расскажи что-нибудь.

Я долго слишком выбирал, и она уснула.

Разбудил нас речной холод. Над Волгой стоял туман. Слышно было, как на той стороне вгрызается в тело Царёва кургана железный экскаватор. Я зачерпнул воды в ладони и поднёс к лицу. Вода чистая, почти ледяная. Из палатки по одному стали вылезать казаки-разбойники. Приплясывая, трусили в кусты, затем к воде.

– Холодно. Давайте костёр разведём.

– Ну его. Пошлите домой, мамка ругаться будет, – затынул Юрка.

– Она за водку и так прибьёт.

Валентин наломал тонких веток и чиркнул спичкой.

– Что с ухой делать будем, – звякнул крышкой Лёха. – Она в холодец превратилась. Вывалить?

– Я тебе вывалю. День только начинается.

Первые лучи уже золотили вершинки сосен на горе.

ДВОЙКА ПО ЧТЕНИЮ

Серёга стоял у доски и чувствовал, что вот-вот расплачется.

Он никак не мог понять, чего от него добивается Антонина Кузьминична.

С раскрасневшимся лицом и сбившейся на бок причёской, она тыкала

пальцем в картинку на стене.

– Последний раз тебя спрашиваю, кто здесь нарисован?

На картинке, в точности такой же, как в букваре, из-за буквы "Е"

выглядывали две хитрые колючие мордочки.

– Ёжики, – выдавил из себя Серёга.

– Ёжики, – противно передразнила его учительница. – Садись, двойка.

Она устало опустилась на стул и зашуршала журналом, отыскивая

нужную страницу. Серега побрел на свое место, уселся и

ткнул локтем соседку в бок, чтобы не задавалась. Та заверещала.

– Антонина Кузьминична, а он дерётся!

– Я вам, охламонам, сейчас всем двойки поставлю. Марш

по домам,

уроки окончены.

С визгом и гамом, раздавая налево и направо тычки и подзатыльники,

все кинулись к вешалке. Серёга рассовал в балетку тетради и карандаши,

напялил танкисткий шлем и выскочил на крыльцо. Там его уже поджидал

Колька Дутый.

– Ты что, вот так пришел? – удивился он.

Сергеа утром "забыл" надеть приготовленную материну кофту и сбежал

в одной школьной гимнастерке.

– Тепло, – небрежно отмахнулся он.

– Аж из носа потекло, – привычно поддел Колька.

Они перешли дорогу, обогнули пожарную вышку с церковным колоколом наверху, и пошли задами по широкой и длинной поляне. Летом здесь привязывали телят, и из пожухлой травы торчали тут и там глубоко

вбитые колья. Солнышко прогрело октябрьский воздух, и было действительно тепло. Где-то на огородах сжигали последний мусор, и пахло сладким дымом.

– Сейчас бы картошки печеной, – потянул Колька носом.

– И сало на прутиках, – подхватил Серега. – Вчера бабушка целую сумку

принесла. Старое, желтое все. Мамка не знает, что с ним делать.

– А пойдем завтра в Долгий лес, – загорелся Колька. – Я котелок

возьму, кулеш сварим.

Серёга сразу вспомнил про двойку и погрузился.

– Меня могут не отпустить, я пару от Кузи получил. Дома заругают.

– Подумаешь, заругают. Меня знаешь как отец лупит.

Дутый старший бил Кольку чем попало: ремнем, вожжами, прутом. Колька орал, как резанный, но только порка прекращалась – поддергивал штаны, размазывал слезы по щекам и снова принимался озоровать.

– Шкура барабанная, – плевался Дутый.

Зная его тяжелый характер, соседи не вмешивались, но на Кольку старались не жаловаться.

Колька запрыгал на одной ноге и дурашливым голосом запел

неизвестно когда и кем придуманную песенку.

– Гром гремит, дома трясутся,

Гуня с Кузею несутся,

Забегают в пятый класс –

Гунди-мунди, мы у вас!

Гуней дразнили мужа Антонины Кузьминичны, директора школы, за его писклявый гундосый голос. В старших классах он преподавал немецкий язык.

– Смотри, смотри! – вдруг заорал Колька.

В небе высоко над ними неровным клином летели журавли. Они принялись считать птиц, но строй вдруг нарушился, журавли заметались, закричали тревожно.

– Нельзя считать, – вспомнил Серёга отцовские слова. Он сорвал с головы

шлем и закричал:

– Путь дорога, путь дорога!

Они долго кричали и носились по поляне, пока журавли не скрылись из виду.

– На юг полетели, – вздохнул почему-то Серёга.

– И вовсе даже не на юг, – возразил Колька. – Юг вон где, – кивнул он

в сторону пожарки. Серега посмотрел на него и оглядел-

ся.

– Куда же они полетели? Юг там, – показал он на школу. – Мне отец объяснял.

– Много твой отец понимает.

– Уж побольше твоего, – приготовился спорить Серёга.

Колька вдруг хлопнул себя по лбу и засмеялся.

– Меня ведь Сеня городской учил – надо встать лицом к солнцу, и тогда слева будет север, а справа юг.

Он зажмурился на солнышко, повертелся немного и встал.

– Вон там юг, – он вытянул в сторону правую руку.

Теперь засмеялся Серёга:

– Значит, они полетели назад, на север. Может, забыли чего?

Колька только рукой махнул:

– Ладно, им лучше знать куда лететь.

У колькиного забора постояли маленько.

– Может все таки сходим на нашу поляну, а то зима скоро?

– Мои завтра в Дубовый ерок за грибами собрались, попробую умызнуть от Ленки.

– Утром морозит всюю, какие грибы?

– Отец говорит, опят полно.

– Твой отец и в огороде грибов наберёт, – согласился Колька. – Я к тебе

забегу утром, договоримся, – и он хлопнул калиткой.

Серёга нехотя поплёлся домой.

Мама стирала у печки в большом оцинкованном корыте.

Мыльная пена

с шипением переваливалась через край и шлёпалась на крашенный пол.

– Не топчись на мокром, проходи швыдче.

Серёга снял ботинки и шмыгнул за перегородку. Повесил на гвоздь

шлем, расстегнул школьный ремень и бросил его на стул.

Вошла мама,

вытирая руки вафельным полотенцем.

– Снимай гимнастёрку, простирну подворотничок, пока вода свежая.

Серёга расстегнул пуговицы и стянул через голову форму.

– Ты что кислый какой? Старшие подзатыльников надавали?

– Двойку получил, – сознался он.

– В прописи клякс наставил?

– По чтению.

– По чтению? – удивилась мама.

Серёга научился читать три года назад, когда Танька, старшая

сестра, пошла в первый класс. Теперь они устраивали настоящую

войну за право первому открыть новую книгу.

Мама рассердилась не на шутку:

– Совсем обалдела Антонина. Дети только букварь в руки взяли,

не все буквы выучили – а она двойки лепит.

Серёга сунулся было с объяснениями, но забоялся и замолчал.

– Завтра сама в школу схожу.

– Завтра воскресенье.

– Домой схожу, знаю, где живёт.

Ничего хорошего Серёга от такой затеи не ждал. Мама ругалась редко,

но соседи её побаивались.

– У Клавдии язык – бритва. Так исполосует, что ни одна собака не

залижет.

Отговорить её мог только отец. Явилась Танька.

– Двоечник, двоечник, – закривлялась она, но получила от мамы мокрой

тряпкой по жопе, и убралась за занавеску переодеваться.

Отец пришёл с работы поздно вечером, уже по темну. Долго плескался

у рукомойника, переговаривался с мамой. В комнату вошёл в одной майке,

с полотенцем через плечо. Весело посмотрел на Серёгу.

– С почином тебя, сынок. Теперь колы носи из школы, плетень поправим.

Серёга виновато потупился.

– Да я.., а она.., – начал он.

– Не мямли, покажи лучше, – отец сел за стол на скрипнувший под

ним табурет.

Серёга открыл букварь, показал злополучную картинку.

– Ага, так, – отец на секунду задумался. – И что здесь нарисовано?

– Ё-жи-ки, – предательские слёзы навернулись на глаза.

– Да, ёжики. А буква какая?

– Буква Е.

Отец облегчённо засмеялся.

– Раз буква Е, то и говорить надо – ежи. Понял, голова садовая? – он

легко шлёпнул Серёгу ладонью по лбу.

Мама, расставлявшая на стол чашки, тоже заглянула в книгу.

– Вот, Антонина, вот, чума болотная. Да сто пацанов деревенских спроси, и все сто скажут – ёжики! Я и сама так бы ответила.

После ужина долго пили чай. Мама с Танькой из стаканов, а Серёга, по примеру отца, из большой эмалированной кружки.

– Губы обожжёшь, обезьяна, – ворчала мама.

Она всё ещё не могла успокоиться за двойку.

– Я ей скажу при случае. Ишь, удумала. Да он за два вечера книгу в сто страниц проглатывает.

– Остынь, – осадил её отец. – Учит малышню читать-писать и ладно. Она сама школу не закончила. В сорок первом девчонкой прибилась к отступающим артиллеристам, так с ними всю войну и прошагала.

Мама посерьёзнала, отодвинула стакан, вздохнула.

– Знаю. Она и Витю своего, гунявого, там нашла. Он зенитчиком был,

она прожектористкой. Даже в госпитале, говорит, в одном лежали. Уже

в самом Берлине, сразу после победы.

– Тогда многие свалились. Старые раны открылись.

– Пап, а ты в Берлине был? – высунулась Танька.

– Нет, не попал. Я в Дрездене был.

Он покачал головою, что-то вспоминая.

– Там союзнички дали фрицам прикурить. Фосфорными бомбами, вроде, засыпали. Камни, и те оплавилась.

Серёга слушал, открыв рот. Рассказы про войну он любил и готов был

засыпать всех вопросами. Но мама, увидев, как помрачнел отец, цыкнула на него:

– Отстань, смола. Дай отцу отдохнуть после работы!

Танька ушла на диван с книгой.

– "Том Сойер", – позавидовал Серёга. Он достал из укромного уголка

авиационную резину и стал ладить новую рогатку. Отец и мама остались

за столом одни.

– За грибами-то пойдём? – спросила мама.

– Опоздали. Ночью мороз ударит, хоть на коньки вставай.

Они помолчали. Отец достал смятую пачку "Севера" и сел к голландке.

– Утром Сашка Абаз свою с молоком в Дубраву повезёт, доедь с ними,

купи Серёжке пальтишко осеннее. Не дело мальчишке в твоей кофте до

зимы форсить.

– А деньги?

– Возьми из тех, что на телевизор отложили.

Мама недовольно стала тереть тряпкой чистую клеёнку.

– Кто его заставлял соседских собак дразнить и через заборы лазать.

Отец затушил папиросу и бросил её в поддувало.

– Такое мальчишечье дело одежонку рвать. Н нам – одевать их, чтобы

от людей стыдно не было.

ЛЕБЯЖИЙ БЕРЕГ

Старый "газон", подвывая убитым движком и похрустывая на ухабах немазаными суставами, миновал последнюю двухэтажку и выехал на просёлочную дорогу.

Иван глянул в зеркало на уплывающие назад дома.

– Прощай "бомбей". За пять лет ты не стал родным.

Дочь заёрзала на коленях.

– Пап, а до Лебязьего далеко?

– Близко, Танюша, всего час быстрой езды.

– Быстрая езда моей лайбе противопоказана, – засмеялся шофёр.

Дорога втянулась в лес. Иван устроился поудобней и прикрыл глаза. В его жизни было много переездов, даже слишком. И, в основном, они не приносили радости. Вспомнился самый первый, похожий на побег.

Ванька одетый сидел на койке и гладил огромного рыжего кота.

– Тебе, Васька, нельзя с нами на новое место. Ты старый, сбежишь.

Кот согласно мурлыкал. Мама, как заведённая, ходила по избе, хлопала дверцами шифоньера, заглядывала на опустевшие полки. У печки, сцепив на груди руки, стояли её подруги.

– Ой, Клавдея. Куда же ты в ночь, да в такой мороз?

– Какая ночь? Время ещё шести нет. За час через гору перемахнём, не замёрзнем.

Она опять открыла и закрыла пустой шкаф. Тётя Поля жалостно подобрала губы.

– Тяжело тебе с двумя детьми будет.

– Ничего, не пропадём. Мама нас троих одна четыре года тащила.

– Так то – война.

– А для меня она тринадцать лет идёт. Этот паразит с немцами не навоевался, он теперь со всем миром воюет. Со мной, с соседями, с дружками своими пьяными. Сонька уже в пятый класс ходит, Ваньке скоро девять исполнится, а у нас каждый день скандалы да драки, драки да скандалы. Кем они вырастут?

Волосы у неё растрепались, выбились из-под платка, и мама сердито поправляла их дрожащей рукой. В сенях что-то грохнуло, дверь распахнулась, и в клубах морозного пара вошёл отец. Он насмешливо глянул на притихших женщин.

– Слетелись, советчицы? Мало вас мужья колотят, страх потеряли.

Он прошёл к накрытому клеёнкой столу, вынул из кармана телогрейки поллитровку и налил в гранёный стакан водку.

– С Абазами я договорился, перевезут твоё барахло в выходные, адрес оставь.

Из-за занавески появилась Сонька, пальто застёгнуто на все пуговицы, тёплая шаль повязана по-старушечьи, крестом на груди. В руках она держала набитый книжками портфель.

– Собрались, так идёмте. Чего лясы точить?

И она решительно шагнула к порогу.

– Папа, смотри! Какая лошадка смешная!

Иван открыл глаза. Рядом с дорогой огромный лось флегматично обдирал тонкую осинку. Водитель весело посигна-

лил, но великан даже ухом не повёл. До посёлка оставалось километров двадцать, и Иван снова погрузился в воспоминания.

Когда они прошли через лес и поднялись на гору, мама, тянувшая санки с узлами, остановилась и обернулась назад. Иван и Соня встали рядом. Деревню за деревьями не было видно, но она угадывалась по морозным столбам над редкими фонарями. От тишины звенело в ушах. Мама протянула руку и положила её на плечо Соне.

– Прости, дочка.

Соня изогнулась вся, словно её ударили, вывернулась изпод руки и отскочила в сторону, увязла в сугробе.

– Не прощу, – закричала она, задыхаясь от гнева и захлёбываясь слезами. – Никогда я вам этого не прощу!

Мама опустила на санки и завывала тонко, тоскливо.

– Ничего себе, подсобное хозяйство, – удивился шофёр, когда они прибыли на место. – Куда править?

– Крайняя улица, у озера.

Они остановились у только что построенного дома. Иван вылез из кабины, опустил на землю Танюшку и стал открывать борт. Подошла жена.

– Вы что так долго? Начальник приходил, велел заглянуть, как приедешь.

– Успеется. Разгрузимся и схожу.

– А где дочка?

Иван испуганно огляделся. Танюшка уже стояла на берегу озера.

– Папа, это лебеди?– она показала на птиц, лениво пересекавших водную гладь.

– Нет, это домашние гуси.

– А где лебеди?

– Они живут на другом озере, на Моховом.

– Ты мне их покажешь?

– Обязательно, дочка, обязательно.

ВЕДУН

Встретил я этого старичка в середине девяностых на автовокзале. Аккуратный такой, правильный дедок. Судя по кепке и кирзовым сапогам, сельский житель.

Он сам подошёл ко мне.

– Сынок. У тебя, гляжу, мешки есть. Продай один.

– Хорошему человеку и подарить не жалко.

Я выдернул из рулона подмышкой полотняное изделие и протянул ему.

– Сестра колонку газовую отдала, а из неё сажа валится.

В автобус не пустят.

Драгоценная жестянка никак не хотела лезть в мешок, пришлось помогать. Упаковав колонку, присели на скамейку. Я вынул сигарету и закурил. Дед неодобрительно покачал головой.

– Баловство. Хочешь, научу бросить?

– Не хочу. Некурящие тоже помирают.

– Как знаешь.

Он помолчал немного и, вдруг, заговорил, не глядя на меня.

– У тебя трое детей. Старшая дочь. Жена рожала дважды. Близнецы?

– Двойняшки, – я смотрел на деда, открыв рот.

– Есть ещё сын, внебрачный, но ты о нем ничего не знаешь. Почему?

– За границу удрала, дура. Ты, дед, колдун?

– Ведун.

– Какая разница?

– Для тебя никакой. Ты же ни в бога, ни в чёрта не веришь.

Живёшь без оглядки.

– Хорошо живу, – обиделся я.

Дед не заметил моей обиды и продолжил, словно в раздумье.

– Слишком гладко всё у тебя. Дом, семья, достаток. Беда у крыльца стоит, но тыслеп и глух. Врасплох тебя возьмут, как курёнка.

Мне отчего-то стало весело. Старик не походил на пророка вовсе.

– Кто возьмёт, враги? Убьют?

– Друзья. Убить не убьют, но в грязи изваляют. Можешь и не подняться.

– И что мне теперь делать? – изобразил я испуг.

– Ничего. Ты уже всё сделал.

Дед сердито отвернулся. Разговор становился неприятным, и я собрался уходить.

– Не поверил, а зря. Я предупредить хотел.

– Спасибо за совет.

Грубость задела старика. Лицо стало злым, глаза колючими. Он прихватил мой рукав.

– Любишь советы? Держи последний, призовой. Захочешь от кого избавиться, угости спиртным, а сам не пей. Пока он держит стопку, пожелай ему смерти. Исполнится.

– Сумасшедший, – вырвал я рукав из его пальцев и плюнул на пол.

Через полгода что-то сломалось в моей жизни. Сбежала жена. С другом, конечно. Дом пришлось продать и перебраться с детьми к матери в однокомнатную квартиру. С работой не заладилось, безденежье убивало. Небо казалось с овчинку. Лет пять я барахтался в тёмном омуте, пока не выбрался на сухое. Вспоминал ли я тогда старика? Да ни разу, без него тошно было. Вспомнил недавно и уже век не забуду.

Есть у нас в посёлке одно оживлённое место, прозванное остряками "памперс". Магазин, аптека, рюмочная, табачный киоск – не обойти, не объехать. Попрошайки всех мастей облепили его как мухи. Дёрнул меня чёрт в тот день пойти за сигаретами. У киоска на пути вырос Махан, бывший одноклассник.

– Борис, дай сколько-нибудь на похмелье, ноги не держат.

– Они тебя давно не держат.

Я попытался отодвинуть его, но он повис у меня на плече.

– Хоть на "фурик" дай, чего тебе стоит.

На нас уже косо поглядывали вездесущие бабульки. Будут они разбираться, кто у кого на опохмелку просит. Оба хороши. Мелочи у меня не нашлось, а тысячу жалко.

– Пошли в "рюмку", – согласился я.

В павильоне пахло кислятиной. Буфетчица бойко налила в пластиковый стакан сто грамм палёнки. Я подвинул посуду Махану.

– А сам? – спросила Зиночка.

– Ну её, без дури дурак.

Олег всё ещё держал в дрожащих руках водку.

– Спасибо, Борь, от души.

Мне противно было на него смотреть.

– Сдохни ты со своим спасибо!

На следующее утро в дверь позвонили. Пришла соседка по этажу. Заглянула в зал, прошла на кухню.

– А мать где, или в больнице?

– На рынок ушла за молоком.

– Я посижу пока, подожду.

– Сидите, места не купленные. Чай будете?

– Буду.

Она плотно уселась на стул и откинулась на спинку.

– Теперь не выгонишь, – подумалось мне.

- Новость знаешь? – спросила она.
 - Нет, но горю желанием узнать.
 - Олег Махоненко умер
- Я уронил на пол заварник.

Лёгкий труд

– Чума на мою голову. Где я тебе "лёгкий труд" найду?

Механик размахивал моим больничным и пылал негодованием. Слесари Керов и Рыжов пытались за меня заступиться:

– Остынь, Леонтич. Пацан не виноват, что ногу повредил.

– В спортзале повредил. Пусть его там и устраивают. В лёгкий вес переводят.

Я, опираясь на щёгольскую трость, подаренную Толиком Антоновым, стоял в сторонке и не сильно расстраивался. Семён Леонтьевич всегда говорил на повышенных тонах, дикция у него такая. Керов предпринял ещё одну попытку успокоить механика:

– Пусть сидит в сторонке и никуда не суётся. Всё равно ему по тарифу оплатят.

– Это тебя посади в сторонку, ты и будешь сидеть, как пень с глазами. А этот соберёт вокруг весь участок и с утра до вечера анекдоты да байки будет травить, сказочник хренов!

Он глянул на часы, резко повернулся и умчался по пролёту в кабинет начальника. Начиналась "пятиминутка", как минимум час ни одного итээровца в цехе не встретишь. Мужики подтянулись ко мне, завалили "полезными" советами:

– Такой палкой хорошо от собак отбиваться.

– Мне её директор вручил бездельников гонять.

– К трости полагается фрак и цилиндр. И перчатки белые.

Коля Шутилкин попытался отнять трость, чтобы лучше рассмотреть набалдажник, сделанный в форме головы пуделя. Я свободной рукой нахлобучил ему на глаза кепку и толкнул ладонью в лоб. От неожиданности Коля сел на задницу. Все радостно заржали.

– Молодой с утра пьяный. Как его через проходную пропустили?

Я обошёл Колю и направился на токарный участок.

– Понадоблюсь, свистните. Я к "прокурору".

– Ступай. Вы с ним два сапога пара.

Николай Иванович стоял у чужого станка и объяснял молодому токарю, как заточить резец, чтобы за один проход снять два слоя металла. Когда он работал сам, я не видел ни разу, но к концу смены рядом с ним высилась гора готовых изделий. Технологи обходили его стороной. Увидев меня, он сунул резец рабочему и пошёл навстречу.

– Привет бойцу невидимого фронта!

Так он называл спортсменов, которые появлялись на рабочем месте только в день выдачи зарплаты. Я ещё к таким не относился, но тенденция прослеживалась. Николай Иванович взял у меня трость, повертел, поцокал языком:

– Толи Антонова работа. Даёт Бог дураку золотые руки.

Ему в ювелирке с микроскопом сидеть, а он у нас слесарит.

– А сам-то?

Злые языки утверждали что у "прокурора" голова семьдесят второго размера. Он одновременно обыгрывал меня в шахматы, развешивал "погоны" токарям и подсказывал "козлятникам", когда делать "рыбу". Николай Иванович окончил юрфак, но в храме правосудия не прижился. Характером с Фемидой не сошлись.

Уселись за расточными и "погнали пчёл по трубам". Спорт, кино, литература. За этим милым занятием и застал нас механик:

– Вот ты где, легкотрудник, спрятался. Айда со мной, не мешай людям работать.

Он привёл меня в подсобку, которую отвоевал у инструментальщиков и нарезал задачу:

– Собери петеушников и пусть они со старого склада свежут подшипники. Разложите всё по полочкам, повесите бирочки и всё запиши в журнал. Надеюсь, тебе голову в зале не повредили? Два дня вам срока.

Работа закипела. Подшипников было море: шариковые, роликовые, конические, цилиндрические, двух рядные, закрытые, открытые. Диаметром от шести до шестисот миллиметров. Кадеты возили их на металлической тележке и вываливали прямо на пол. Я писал на картонках номера и показывал место на стеллажах. Через два часа у меня голова опухла от звона и цифр.

На обед я не пошёл. Принёс из раздевалки овсяные хлопья, залил их кипятком, достал из сумки солёное печенье. Завтрак туриста. В подсобку ввалился Зэпа, фрезеровщик с ПРИНа. Со дня на день он ждал повестку в армию и теперь шлялся по цеху без дела.

– Ты что здесь сидишь? Тебя Николай Иванович с шахматами ждёт.

– Пусть теорией займётся. Миттельшпиль подтянет.

Зэпа перелез через гору подшипников и начал рассматривать стеллажи.

– Удобно. На старом складе пока найдёшь нужный, тонну железа перекидаешь.

Он снял с полки маленький подшипник повертел в руках.

– На самокат братишке не пойдёт?

– Какой номер?

– 103.

Я заглянул в таблицу.

– Внутренний диаметр 17 . А у самоката?

Зэпа пожал плечами. Он уже надел подшипник на мизинец и раскручивал его об стенку. Потом отставил руку и полюбовался.

– Колечко хорошее.

Я протянул ему печенье.

– Тебя в десантуру берут?

– Да, я три прыжка сделал. Валенки потерял, всё поле исходили пока нашли.

– С тобой вечно приключения.

Он направился к выходу.

– Пойду к девчонкам-рентгенологам. Обещал им карандаши очинить.

– Подшипник оставь. Всё равно делать самокат не будешь.

– Забери, жадина.

Он потянул украшение и засмеялся:

– Не хочет. Придётся ещё до армии жениться.

Он сделал ещё несколько попыток снять подшипник.

– Больно. А наделось легко.

Он поплевал на палец. В подсобку заглянул Рыжов. Ему видно не хватало напарника в домино.

– Легкотрудник, пошли забьём, пока обед не кончился.

– Да ну его. Помоги лучше новобранцу от кольца избавиться.

Зэпа уже не смеялся. Палец припух и покраснел. Рыжов усмехнулся.

– Салага. Иди в умывалку, намыль хорошенько руку. Учить вас.

Мы вышли из подсобки. Фрезеровщик убежал мылить руку. Вскоре стали выходить в цех и остальные. На грифельной доске записывали результаты последних баталий. В конце недели подводили итоги, и слабые на неделю покидали "высшую лигу". Получившие "генеральского" отлучались на месяц.

Пришёл Зэпа. Лицо его пылало, а палец стал похож на со-

сиску. Его обступили и опять посыпались советы:

– ... надо нитку намыленную накрутить, и как по резьбе...
надо триалоном ... надо тавотом...

Всех правее оказался механик:

– Не надо пальцы совать, куда кобель не суёт. Запитецкий, марш в медпункт и попробуй мне только справку на лёгкий труд принести!

Мы, сконфуженные, разошлись. Петеушники припёрли очередную порцию разнокалиберных подшипников. Я едва успевал записывать номера.

Минут через двадцать явилась медичка. За ней понуро плёлся Зэпа.

– Мужики, у вас мозги на голове есть? Мы что, палец ему отрезать должны?

Все опять собрались около пострадавшего.

– Ножовка не возьмёт. Расколоть, вовсе без руки останется. В седьмой цех отвести, у них всякого инструмента до фига.

– В седьмой не пустят. Пока с особым отделом свяжутся, то да сё.

Механик хлопнул себя по лбу:

– Антонов. Где Толя Антонов?

Толю нашли у старшего технолога. Он мастерил ему какие-то супер-вешалки из латунных полос.

– Ну-ка, раздайтесь чуток.

Я как соучастник происшествия остался рядом. Медичка

тоже не отступила.

Она прижимала к груди аптечку. Толя подвёл Зэпу к верстаку, положил его руку на тиски так, чтобы можно было зажать нижний край подшипника. Из своего верстака он достал дрель, похожую на детский пистолетик, вставил насадку с диском миллиметров в пятьдесят. На дисковую пилу это не было похоже.

– Алмазный круг.

С верхним кольцом Толя справился быстро. Надрезал в двух местах и лёгким ударом молотка разбил гильзу. Сепаратор сорвал двумя пассатижами. Он только хрустнул, и шарики рассыпались во все стороны. Нижнее кольцо в губки зажать не удалось, опухший палец не позволял.

– Положи руку на верстак и не дёргайся. Лишнего не срежу.

Теперь он резал чуть наискосок. Струйка искр летела в сетку ограждения. Вдруг Зэпа заорал, выдернул руку и стал размахивать ей в воздухе.

– Воды, дайте воду!

Но фрезеровщик уже стоял у заточного и полоскал клешню в корытце. Рыжов подал мне маслёнку с эмульсией. Медичка то открывала, то закрывала аптечку. Видно, что у неё наготове бинт и йод. Самой ей нужен был нашатырь. Операция продолжилась. Фрезеровщик приплясывал у верстака, как мальчик перед закрытым туалетом. Мне стало смешно и

я отвернулся. Теперь заорал Толя.

– Куда льёшь, чёрт косорукий. На линзу лей, а не мне в рукава.

На этот раз и молотка не понадобилось. Зэпа сжал кулак, и кольцо распалось. Медичка долго рассматривала руку:

Надо же, ни царапины. Лёгкий ожог и всё.

Толик с сожалением рассматривал диск. Не для этого он берёт его.

– Дайте этому дурню ещё подшипник. Пусть он себе наденет...

Куда именно он не сказал.

СТИХОТВОРЕНИЯ

ЗВОНОК

Опять за окнами метель,
Не выйти третий день из дома,
Чудесной женщине знакомой
Звоню за тридевять земель.

– Привет, любимая, привет,
К чему теперь слова? Не верю!
Давно оплаканы потери
И сожжены в закате лет.

В душе остался взмах ресниц
Под сводом вызревшего сада,

Короткой осени прохлада
С отлётом оголтелых птиц.

Последний вздох, последний слог,
Помех колючая пороша.
Издалека: – Прощай, хороший.
Хотел ответить и не смог.

ХОЛСТЫ

Стихи мои неспешны и просты,
И лишены парадного изыска,
Льняные домотканые холсты,
Души больной короткие записки.

Когда нагрянет осень в летний сад,
И станет ночь томительно-несносна,
Забьются дождь и сердце невпопад,
Вдруг оживут спасительные кросны.

Суть полотна – терпение и труд,
Уток скользнёт в желанную основу
И смысла нить, и найденное слово
Рисунок свой и форму обретут.

В РИГЕ ТЕПЛО...

В Риге тепло, но не жарко,

Августа первый привет.
В гости иду без подарка
К даме улыбчивых лет.

Белая роза в петлице,
Алая роза в руке,
Солнце купает ресницы
В неторопливой реке.

Что я скажу ей при встрече?
Что я услышу в ответ?
Не заготовлены речи,
И не спасёт интернет.

Улиц затейливых скерцо,
Саксофониста манок.
Падает камушком сердце,
Я нажимаю звонок.

СВОБОДЕН

Прощайте, милая блондинка,
В душе не пестуйте печаль.
Уходит лето под сурдинку,
Уж осень кутается в шаль.

Романа нашего страницы

Остались девственно чисты,
Сентябрь холодной острой спицей
Пронзает тонкие листы.

Ни сожаления, ни грусти,
И только лужицы хрусталь
Под каблуком тяжёлым хрустнет
И станет, вдруг, чего-то жаль.

В одно короткое мгновенье
Услышу близкий сердца стук.
И, вновь... Свобода и движенье,
И нежеланье Ваших рук.

ПОЭТЕССА

Стих неказист, а поэтесса – чудо!
Держу в руках озябшую ладонь,
В глазах её осенняя простуда,
Но есть вино, заварка и огонь.

К печурке кресло. – Как зовут Вас? – Настя.
– Ну, вот и славно, будем воскресать.
Возьмите чай и плед английской масти
Или шотландской, как их различать?

Нахальный кот взобрался на колени,

Она его щекочет за ушком,
В саду сыром ещё гуляют тени,
И день ненастный тянется тишком.

– Я не поэт и не имею права
Судить других, кто с Музою знаком.
– Но Ваша книга?– Мягкая оправа
Мечтаний детских и амбиций ком.

– А слог и рифма?– Настенька, пустое,
Придёт и к Вам умение руки.
Охота ль тратить время золотое
И сохнуть, словно ива у реки?

Она смеётся: Сохнуть нет желанья,
И не писать я тоже не могу.
Слова тревожат, просто наказание,
Стихи зовут тропинкой на снегу.

Увы, увы... Я болен этим тоже
Неизлечимо, к бабке не ходи,
Стихи скребут крупой февральской рожу
И, не растаяв, копятся в груди.

Увы и ах... А, впрочем, други, бросьте
Моих стихов нечёсаную рать,

Когда ещё придёт такая гостья,
Чтоб ноготки её поцеловать?

МАШЕНЬКА

Утром ангелы пропели
Воскрешение Христа.
Яркий день, конец недели,
Окончание поста.
Наслаждаюсь пенной чашей,
Разодетый как буржуй,
И не грех с соседкой Машей
Троекратный поцелуй.

На груди вздохнёт басами
Обветшавшая гармонь.
Мы когда-то были сами
Вместе ветер и огонь.
Обожглись, да не сгорели,
Только косы расплелись,
Соловьиные метели
Белым цветом улеглись.

Улеглись былые страсти,
Снова речка в берегах,
Лишь при встрече –Здрасти!
–Здрасти...

И улыбка на губах.
Улыбайся, Маша, чаще,
Не ломай печалью бровь.
Не ржавеют чувства наши,
Моя первая любовь.

ПОЗДНЕЕ СВИДАНИЕ

Я Вам не рад. Не стойте у дверей,
У нищего не просят подаянья.
Ах, память, память. Что за наказание
Травить её и подчиняться ей.

Не лечит время, врут календари
Слепые числа превращая в даты,
Уж сколько лет пусты мои палаты,
Безмолвны тени в отблесках зари.

И сам я тень у Ваших стройных ног,
Я только тень, а Вам хотелось света,
Кружилась опустевшая планета
Без карты, без надежды, без дорог.

Душа давно привыкла к тишине,
Не возродить и не вернуть былого,
Зачем же Вам понадобилось снова
Найти ключи и вспомнить обо мне?

Неспешный март приветствует грачей,
Скворцы спешат примкнуть к весёлой свите.
Я Вас простил, и Вы меня простите,
Но, Боже мой, не стойте у дверей.

ЗНАЕМ, ЗНАЕМ...

Знаем, знаем... Зимовали
Там, где небо кверху дном,
Где заснеженные дали
С волчьим воем за окном.

Выли волки, выли вьюги,
В пояс кланялась тайга,
Синеокие подруги
Слали письма иногда.

Вертолёт садился с креном
На причале без перил,
Вечно пьяный лётчик Хренов
Нас привычно материл.

Насмехался, скалил зубы,
Ус топорщил над губой,
И плясали лесорубы
За конвертик голубой.

Проклинали почтальона,
Мяли старую кирзу,
А на взгорке март влюблённый
Плавил первую слезу..

У ПРУДА

Ивы кланяются лету
За плотиной у пруда.
Брошу с берега монету,
Чтоб остаться навсегда
С этим ласковым закатом,
С деревушкой на юру,
Где родился я когда-то
И когда-нибудь умру.
Пахнет клевером и хлебом,
Поле стелется платком,
А земля целует небо
За берёзовым леском.

ДЕНЬ ПРОШЁЛ

День прошёл, промчалось лето,
Осень выковала медь,
Я присел на парапете
Отдохнуть и поглазеть.

Справа Волга, слева Город,
Жизнь – отравы и елей.
Солнце катится за ворот
Беспризорных Жигулей.

Время бриза, время блюза,
Поздних птиц усталый лёт.
В тихом сквере бродит Муза
И не ищет, и не ждёт.

СЛАВКА

– Садись.– Своё я отсидел.
– Оставь дурацкие приколы.
Но, знать, урок колымской школы
Не отряхнуть как школьный мел.

Судьба. Война и Колыма.
Ушёл юнцом, вернулся мужем,
Остался жив в огне и в стуже
И сам история сама.

Играем в шахматы. Навис,
Как старый гриф, над полем боя,
Морозом скрюченной рукою
Мои снимает пешки: – Плиз.

Что взять с заморского шпиона?
В Берлине с янки виски пил,
И особист опохмелил
Статьёй военного закона.

– Отложим. Партия г**но.
Молчу, хотя в душе согласен,
– Генсек наш гнил и не опасен,
Но псы свирепы всё равно.

Пьём чай, и старый "Новый мир"
Лежит меж нами, как граница.
– Скажи, а прав ли Солженицын,
И на костях победный пир?

– Нет для меня в том новостей.
Вождей всех логика простая:
Мы не опора им, мы сваи,
В болоте сумрачных идей.

Хоть не люблю я слово "мы",
(мычанье в нём агиток б***ских),
Но "мы" лежим в могилах братских,
"Мы" дышим воздухом тюрьмы.

– А где же выход?

– Выход здесь.

Взьерошил выцветшие патлы.

– Они не вечные же, падлы,

И шанс сразиться с ними есть.

– Сразиться? Я захохотал.

Он не обиделся – мальчишка.

Одёрнул ветхое пальтишко,

А ровно через год – "не стал".

Теперь я знаю – тот этюд

Проигран мною был позорно.

Был даден шанс, пусть иллюзорный,

Но обалдел от счастья люд,

Слил все надежды в унитаз,

Впал в мракобесье, в блуд и в пьянство,

Погрыз во лжи лжехристианства.

Прости за это, Славка, нас!

ЕГО УБИЛИ В ВОСКРЕСЕНЬЕ

Его убили в воскресенье

На необъявленной войне,

Хватило снайперу мгновенья,

И хлопнул выстрел в тишине.

Кевлара тонкую скорлупку

Пробил свинца тяжелый град,
Он лёг ещё одной зарубкой
На чей-то вытертый приклад.

Безвольно кружит лист осенний,
Льдом покрывается вода.
Его убили в воскресенье,
Он не воскреснет никогда.

Я осень эту пережил...

Я осень эту пережил,

Даст бог, переживу и зиму.

Шальные кони мчатся мимо,

Теряя пену дней с удил.

За ними вовсе не успеть,

И успевать уж нет желанья,

Летит в ладонь, как подаяние,

Луны расплюснутая медь.

Пол года всё идёт не так,

Меня корёжит и сутулит,

Судьба закатывает пули,

И усмехается в кулак.

ПОХВАЛИТЕ...

Похвалите меня, хоть мои иллюзорны заслуги,
Я воспряну душой и все беды рукой отведу.
Будут петь соловьи, и смеяться девчонки в округе,
И влюблённые встретятся вечером в тихом саду.

Грянет весело гром, и очнётся застывшее время
И слезинкой сползёт по щеке голубого стекла.
И на круги своя я вернусь. Я вернусь вместе с теми,
Кто со мной поделился частицей живого тепла.

ГРАФОМАН

Вышел месяц из тумана,
Бросил в озеро пятак...
Я родился графоманом,
Не хотел, случилось так.

Не сдвигайте брови строго,
Придержите реплик вал:
Лиру вашу я не трогал,
Ваших строк не воровал.

Ночь пропахла скорым летом,

Куст сирени тешит грусть.

Не родился я поэтом...

Ну и ладно, ну и пусть